Колокольчик о теории, ошибках т. Бухарина

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH123
K643

В. КОЛОКОЛКИН

EH123
K643

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОШИБКАХ тов. Н. И. БУХАРИНА

ИЗДАНИЕ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
САМАРА—1930.

ЕН123
К643

[illegible]

В. КОЛОКОЛКИН

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОШИБКАХ ТОВ. Н. И. БУХАРИНА

1 экз.

ИЗДАНИЕ
Средне-Волжского Коммунистического Университета
САМАРА—1930.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

К

ЕН123
К643

Крайлито № 4043 от 30/XII 1929 г.
Тир. 5.000 Тип. № 2 „Кр. Октябрь“
Самполиграфтреста.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

294
1930

сф
4948

1051210

Предисловие.

Капитуляция трех крупнейших руководителей правого уклона т.т. Бухарина, Рыкова и Томского, а за ними целого ряда более мелких сторонников этого направления является несомненно событием большого значения.

Но само собой разумеется, что эта капитуляция ни в коем случае не означает того, что борьба с правым уклоном, как главная опасность внутри партии на текущем историческом этапе,—снимается с порядка дня. Напротив того, эта борьба должна стоять в центре внимания всей партии. Не подлежит сомнению также, что борьба против идеологии и практики правого уклона в дальнейшем должна пойти по линии расширения и углубления. Специальной задачей этой борьбы, остро выдвигаемой всем ходом событий сейчас, должно стать разоблачение обще-методологических и теоретических основ правого уклона, особенно методологических и теоретических основ позиций т. Бухарина. Работа в этом направлении должна захватить самые широкие слои партии. Критика методологических и теоретических ошибок тов. Бухарина ведется у нас давно. Давно уже теоретические кадры партии указывают на явный отход т. Бухарина от марксизма. И конечно, эта критика не могла быть неизвестна т. Бухарину. Странным представляется поэтому, что в течение ряда лет т. Бухарин, «ничтоже сумняшеся», продолжает печатать свои ошибочные труды, игнорируя даже критические соображения Ленина, не говоря уже о критических соображениях «простых смертных». Этот пример скверного отно-

шения т. Бухарина к выяснению теоретических корней своих ошибок, тем более бросается в глаза, если принять, что некогда он обещал рассказать партии о том, как и чему он научился за последние годы, какие из своих старых теоретических ошибок он искренне признал и осудил. Обеспечения, как вид но, пусты Потому-ли, что тов. Бухарин высокомерно относится к попыткам теоретической критики его позиций—на что он не имеет никаких особых оснований, или потому, что он искренне не понимает значения своих теоретических ошибок, но упорно отмалчивается, не выступая и повидимому не имея намерения выступать с признанием этого рода своих ошибок.

Задача парти состоит в том, чтобы продолжать разоблачение не только политических, но и теоретических ошибок тов. Бухарина, вскрывая во всей полноте в огромной степени немарксистский характер его воззрений.

Что касается предлагаемой брошюры,—она представляет именно этот опыт критики теоретических ошибок тов. Бухарина и его методологии. Вполне сознавая ряд имеющихся в ней недостатков и воздавая должное философам по преимуществу, которые могли бы рассказать об ошибках т. Бухарина полнее и лучше нас, автор, однако, не может не пожалеть трудолюбия **некоторых** из них, сейчас расходуемого сплошь да рядом не на то, чтобы помочь партийному активу понять всю совокупность теоретических шибок тов. Бухарина и указать на их связь с его политическими ошибками, а на то, чтобы схоластику т. Бухарина «перекрыть» в такой же мере схоластической критикой лишенного действенного политического значения.

Раз мы вынуждены указать на это обстоятельство, то, пользуясь случаем, будем откровенными до конца.

Развитие нашей теоретической мысли за последние годы в значительной мере совершалось вне связи с задачами строительной работы, вне зависимости от этих задач, вне подчинения им.

Это беспорно огромный порок, болезнь теоретического движения. И было бы худшим видом чванливости и самодовольства покрывать или оправдывать этот порок.

Целый ряд наших теоретиков, отнюдь не являющихся худшими среди других, годами тешили себя спорами о сугубо отвлеченных предметах, воздерживаясь от анализа закономерностей текущей исторической эпохи, особенно же от познания диалектики нашего развития. Нет ничего удивительного в том, что партийные практики, образующие головную колонну социалистического строительства, умели и умеют раскрыть диалектику конкретных процессов, протекающих в стране, безмерно лучше, глубже и полнее, чем немалое количество теоретиков, «и денно и нощно» калякающих о диалектике. Само собой понятно, что в этом нашем рассуждении нет и намека на противопоставление теории практике и практиков и теоретикам. Столь же мало мы намерены практиков, несмотря на известные претензии с их стороны, считать лучшими теоретиками. Мы только констатируем непрактичность «теории» тех из теоретиков, для которых дискуссии на отвлеченные темы есть начало и конец теоретической деятельности.

Что прозябание в сфере отвлеченнейших споров фактически имеет место—об этом свидетельствует

хотя бы дискуссия об абстрактном труде, о предмете политической экономии и т. д., ведущаяся годами.

Эта и подобная ей дискуссии имеют значение и полностью оправдываются лишь **как этап в изучении Маркса и Энгельса.** Но они не имеют никакого оправдания тогда, когда их превращают в главную задачу теоретической работы, убегая от «живой жизни» в области утомительной словохотливости и годами вытанцовывая один и тот же абстрактный кадриль.

На этом поприще выросли свои «вожди», свои «герои», свои специалисты по цитированию и казуисты, изощряющиеся в логических фокус-покусах один перед другим. Иные же, по щедринскому выражению, гуляют «ни в тех ни в сех», бравируя этой своей «беспартийностью».

Даже дискуссию с механистами умудряются низвести до схоластических споров о второстепенных частностях, не понимая или намеренно выхолащивая великое теоретическое и практически-революционное значение этой дискуссии. Значение дискуссии с механистами состоит в том, что в ней решался вопрос **о задачах науки,** о том—должна или нет наука, преодолевая односторонность аналитического знания (и, следовательно, отвергая так называемое сведение высших форм движения, высших закономерностей к низшим), выдвинуть и подчеркнуть особо необходимость синтетического познания, изучения специфических форм и закономерностей, их конкретную совокупность, целость, единство, тем самым обеспечивая понимание особенностей каждого данного явления, каждой данной формы и каждого данного момента. Этому в первую очередь учились мы на борьбе с механистами, добиваясь то-

го, чтобы на основе действительно всестороннего, действительно научного, действительно марксистского знания обеспечить максимальную продуктивность теоретической деятельности и революционной практики.

К сожалению, многие из тех, кто не плохо боролся с механистами, не сумели с окончанием этой борьбы совершить переход к серьезной положительной работе, непосредственно вытекающей из задач международного коммунистического движения и социалистического строительства, в частности к теоретическому обобщению практики социалистического переустройства, к изучению процессов, протекающих у нас в стране, к тому, чтобы поднимающиеся миллионы людей вооружить мечом большевистской теории. Они задержались на пережитом этапе, и ищут услады в возобновлении групповых споров или ударились в разработку отвлеченнейших проблем, неожиданно признав злобой дня тезисообразное пересказывание потертых истин, например: о милетской философии.

Многие из них попрежнему спорят, жуют до исступления то, что давно доказано и расшивают одежду своего пустословия цветистыми узорами классических изречений и стихов древнего и нового времени. Забывается при этом то бесспорное положение, что нельзя сокрушить ревизионизма в теории, не опираясь на познания практики, не подчиняя задачам этой практики всей своей работы, не обобщая практики, как нельзя разгромить оппортунизм в практике, не вооружившись теорией.

Марксизм теоретиков, не умеющих понять этой простой истины, воистину будет не столько воинствующим, сколько бедствующим, не столько сражающимся, сколько сражаемым.

«Марксизм—не догма, а руководство к действию». И с теми теоретиками, которые пытаются превратить марксизм в знамя теоретической мертвечины и практической бездеятельности, нам водиться не след. Пусть, упиваясь перлами своей учености, они высказываются «высоким стилем» на языке, не доступном пониманию живых и действующих людей, по-профессорски, «честь по чести». На них надо указывать пальцем, как на одну из превратностей бытия—на образец испорченности умственных способностей при помощи науки. Лучшие же теоретические силы незамедлят по-настоящему подчинить свою теоретическую работу задачам великой строительной работы, в огне которой горит наша страна.

В. К.

P. S. Брошюра представляет из себя стенограмму доклада, прочитанного на собрании партийного актива 29/XI—1929 г.

К сожалению, выправить ее как следует автору не удалось.

Автор разбирает лишь одну часть взглядов тов. Бухарина—его методология общественных наук. Ряд проблем, одинаково затрагивающих и природу и историю (вроде проблемы случайности), остался неразобранным.

В. К.

О теоретических ошибках т. Н. И. Бухарина.

Наша партия ведет свою политику на строго-научных основаниях. Ясность теоретических позиций всегда отличала и посейчас отличает большевизм от самых разнообразных течений идейно-политической мысли и в рабочем движении нашей страны и в международном рабочем движении. Эта ясность теоретических позиций большевизма обусловлена прежде всего умением владеть революционной диалектикой марксизма. В этом лежит источник несокрушимой теоретической силы нашей партии.

Опираясь на революционную диалектику, марксизм вскрыл закономерности целой эпохи, эпохи капитализма, и, обнажив механику развития буржуазных отношений производства, доказал неизбежность их крушения. Ныне, опираясь на диалектику, мы имеем возможность опознать закономерности вызревания социалистических отношений и раскрыть своеобразие отдельных этапов нашего развития в переходную эпоху. этапов особенно важных с точки зрения политики, с точки зрения учета изменений, происходящих в экономике страны и в соотношении классов.

Обращаясь к анализу теоретических ошибок тов. Бухарина, мы естественно, считаем себя обязанными указать на исключительное значение теории именно в текущий исторический период. Если во всей истории нашего рабочего движения, начиная с ранних этапов развития партии, мы прида-

вали особенно большое значение теории, то вдвойне большее значение мы должны придавать ей сейчас на нынешнем перевале истории. Никогда еще потребность в широкой обобщающей теоретической мысли не чувствовалась так остро, как чувствуется она теперь. Это об'ясняется тем, что мы переживаем очень своеобразный поворот в историческом развитии нашей революции.

В чем состоит своеобразие этого поворота, что его характеризует? Своеобразие этого поворота, его основная характерная черта состоит в невиданном до ныне темпе социалистического переустройства страны.

Быстрый темп нашего развития создает такое положение внутри страны, что от одних событий движения к другим, мы переходим иногда, не успевая закончить анализ событий предшествующего периода. Мы говорим, понятно, не об общих намет-ках этого анализа, а о глубоком и всестороннем изучении.

Эти быстрые сдвиги, лихорадочная смена событий, ломка старого уклада, разрыв старых связей, старых отношений и вполне определившийся рост нового порядка,—все это до такой степени нагромождает один факт на другой; что требуется острый глаз для того, чтобы разобраться во всем этом завале фактов, во всей этой совокупности событий, чтобы проникнуть во внутреннюю сущность этих фактов и в их быстрой смене, в смене событий нащупать основные закономерности, управляющим нашим движением. Само собой разумеется, что к этому способен не всякий. Не всякий может теоретически осмыслить это обилие фактов и событий, не всякий может сделать из этого теоретические выводы, соответствующие обобщения в плане широких перспектив.

Ползучий эмпиризм и делячество как раз выражают собой неспособность и неумение закономерно осмыслить эту быструю смену фактов. Они как раз вырастают на основе того, что люди отдают себя во власть фактам, закрываются ими, будучи не в состоянии за фактами найти закон движения и об'яснить тот или иной факт, отправляясь от закона. Следующие примеры вполне поясняют эту мысль.

Как уже было сказано, одной из самых оригинальных черт нынешнего периода является чрезвычайно быстрый рост социалистических форм хозяйств. Этот рост совершается на базе освоения новой техники и новых приемов труда. Рушатся новые хозяйственные распорядки, потоком коренной переделки условий общественного производства захватываются город и деревня. Если присмотреться ближе ко всем этим процессам, то не трудно будет заметить, что темп переделки людского материала резко отстает от темпа переделки хозяйства, от темпа нашего экономического продвижения к новому, социалистическому укладу.

Явно определился разрыв между гигантским бегом вперед по линии хозяйства и степенью переработки людей, их воззрений, традиций, навыков, словом всей суммы взглядов и ощущений, свойственных теперешнему поколению. Эта переработка идет, сравнительно, медленным темпом. И нет ничего удивительного в том, что составные элементы всего человеческого коллектива, несмотря на то, что они непосредственно, собственными руками, воздвигают хозяйственный фундамент социалистического общества, полны самых причудливых противоречий. Рецидивы мелкобуржуазных настроений, привычек, желаний среди них явление отнюдь

не редкое. Неудивительно, что можно встретить людей, которые стихийным ходом великих сдвигов, происходящих в стране, выпираются на самые боевые позиции социалистического строительства и вместе с тем нередко, а может быть даже слишком часто, проявляют склонность к брюзжанию, к хныканью, к неудовольствию и чрезмерно-нервной реакции на наши затруднения.

И вот представьте себе человека, наблюдающего и регистрирующего все эти проявления недовольства, нытья и нервоза. Вооружаясь кучей фактов, этот почтенный наблюдатель выступает перед вами с речами, полными злого скепсиса и издевок по отношению ко всем уверениям о трудовом под'еме масс, о их решимости быстрым темпом итти вперед и о готовности их преодолеть все трудности. Он посоветует вам подходить к вопросу «по-деловому», «смотреть фактам в глаза», исходить «из реальных условий» и, как бы между прочим, в заключение порекомендует шагать не столь быстрым темпом.

Это и есть один из образцов деляческого, эмпирического подхода к явлениям. Не утруждая себя размышлением о природе фактов, люди этого типа сами запутываются в фактах, подобранных случайно и односторонне.

Они не умеют понять, что закон существования отдельных людей отличен от закона движения массы. А между тем о движении масс они судят на основании ограниченного знания об отдельном человеке. Им кажется несуразной и непостижимой та простая мысль, что общее движение и под'ем масс понижает колебание отдельных людей и что это массовое движение превращает их в участников строительной работы. Отсюда с необходимостью

следует тот вывод, что степень колебания отдельных представителей и даже целых групп трудящихся тем меньше, чем шире развертывается само массовое движение. Оно захватывает их и логикой этого движения, они вынуждаются итти вперед, пока наконец сами не научатся вести за собой новые слои, потеряв весь свой прежний облик и превратившись в сознательных участников социалистического строительства. Отсюда следует также и тот вывод, что изживание всевозможных колебаний лежит не на пути медленного, а на пути быстрого темпа, ибо только этот быстрый темп социалистического переустройства страны создает широчайшие возможности, создает огромные материальные предпосылки для переделки людей во все более широком и во все более массовом масштабе.

Второй пример касается класса мелких производителей.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что огромное большинство крестьянства теперь уже осознает выгоду и преимущество крупного общественного хозяйства. Однако смешно предполагать, что одного сознания этого достаточно для того, чтобы перестать быть мелким буржуа. Смешно думать, что мелкий производитель, скажем после того, как он вступает в колхоз, теряет все свои особенности мелкого производителя, являющийся продуктом столетий, особенности, приобретенные в результате длительного хозяйствования в одиночку. Еще с большим основанием это можно сказать про того крестьянина, который только хочет входить в колхоз, который только-что понял выгоду крупного хозяйства. Очень часто именно тогда, когда рядовой представитель трудящейся массы деревни доходит до сознания этих преимуществ социалистического-

хозяйства, у него достигает апогея самые различные оттенки мелкобуржуазных колебаний, обостряемые актом предстоящего разрыва с тем, что составляло сердцевину всей его деятельности в течение десятилетий и что было перенято им от отцов, от дедов и более далеких поколений.

И вот, наблюдая эти колебания крестьянина, иные «обеспокоенные за судьбы деревни», взволнованные «страданиями масс» и проч., начинает проповедывать, что главная задача текущего периода есть «умиротворение деревни», «успокоение мужика»—короче, мы отсылаем читателя к соответствующим речам соответствующих людей, еще недавно защищавших, что главная задача нашей партии» есть мир «с деревней вообще». Они никак не могут понять, что эти колебания мелкого производителя выражают совсем иную тенденцию и обуславливаются совсем иными причинами, чем те, на почве которых вырастают контрреволюционные кулацкие движения. Они по-просту отказываются отличать колебания трудящихся деревни, в частности середняка, от настроений кулака. Следовательно, ими не понято, что вся суть дела не в отступлении от принятых темпов переустройства сельского хозяйства, а в ускорении этих темпов. Мелкому производителю нужно и должно помочь двинуться от индивидуального хозяйства к коллективному, отбрасывая в сторону оппортунистические рецепты успокоения деревни путем отказа от ее социалистической переделки и перенесения центра тяжести на развитие индивидуального хозяйства. Колебания мелкого производителя на этапе перехода его от индивидуального хозяйства к коллективному есть всего лишь одна из сторон по необходимости противоречивого процесса социалистическо-

го переустройства. И величайшей опасностью является попытка закрыть этой одной стороной весь процесс.

Тут мы имеем дело с новым примером делячества и эмпирического подхода к изучению положения дел в деревне.

Эмпирик всегда берет не процесс, а лишь отдельную струю этого процесса, струю более легко, чем весь поток, проникающую на поверхность его сознания. Он берет всегда одну сторону явления, возводит ее в абсолют и искренне удивляется, когда его обвиняют в поверхностности и односторонности. А такое обвинение является совершенно справедливым. Известная боязнь крестьянина за будущее, элементы известной тревоги у него повергают в болезненное состояние и самого эмпирика.

Видимой противоположностью делячеству и ползучему эмпиризму, а по существу родственным ему образом мышления, является схематизм, доктринерство, или, как у нас теперь принято называть—схоластика. Так же, как и эмпирики, доктринеры и схоластики отказываются от анализа закономерностей конкретных процессов, от того, чтобы вскрыть диалектику конкретного развития. В лучшем случае люди этого типа удовлетворяются обозрением истоков процесса. Затем, составляя схему, заранее предусматривающую и форму и характер последующего развития, они выступают в качестве глубокомысленных теоретиков, ссылаясь и на Маркса, и на Энгельса и даже на то, что их некогда похвалил Ленин. Под эту схему, заготовленную впрок, они пытаются подогнать все факты и дать им исчерпывающее об'яснение. И, если паче чаяния, в нашем развитии определяется какая-нибудь новая закономерность, непредусмотренная их предвари-

тельными теоретическими выкладками, они готовы об'явить эту закономерность делом «злой воли» и искать причины ее появления в факторах суб'ективного порядка. Весь тип их мышления может быть легко дискретирован любым положением их собственной «доктрины». Социализм, говорят например они, означает уничтожение классов, стало быть переходный период характеризуется систематическим понижением классовой борьбы. Вот вам один их, при этом далеко нехудший тезис. Когда же вопреки этому тезису, на одном из этапов, напр., на том, на котором мы находимся, обостряется классовая борьба, и большие и малые доктринеры пытаются приписать причины этого обострения не более, не менее, как плохой работе советского аппарата и партии. Это и означает, что об'ективных, конкретных процессов они не анализируют. Вместо того, чтобы выводить схему из жизни,—доктринеры идут со схемой к жизни и пытаются исчерпать этой теоретической схемой всю полноту жизни, не смущаясь иногда повторять известное изречение Гете: «Теория, друг мой, сера, но вечно зелено дерево жизни».

Характерно, что для идеологии правого уклона свойственны обе очерченные нами особенности: и эмпиризм и доктринерство.

В этих условиях, когда, с одной стороны, неумение осмыслить фактического материала в плане изучения закономерностей нашего развития питает ползучий эмпиризм, с другой, когда это неумение вскрыть конкретную диалектику процесса служит почвой для схоластики, для любви к тусклым образам абстрактного рассудка, к пустым, лишенным содержания, отвлеченным схемам,—в этих условиях внесение в практику всей нашей работы методов

диалектического материализма есть поистине величайшая задача. И само собой разумеется, что к критике тов. Бухарина мы подходим не с той точки зрения, чтобы «потешиться» над ним, чтобы «накласть» ему. Партия не может с этой точкой зрения подходить к критике определенного мировоззрения и определенных методологических устоев. Задача ее критики заключается в том, чтобы от ошибок т. Бухарина предупредить подрастающее поколение работников и чтобы на разборе этих ошибок научить людей владеть революционной диалектикой.

1051210

Эту оговорку мы делаем специально для того, чтобы не быть понятыми в том дурном смысле, в каком часто пытались изобразить нас недавнешние, как впрочем и теперешние сторонники тов. Бухарина, разглагольствующие о том, будто мы предаемся некой «моде» критиковать т. Бухарина. Дело тут не в моде и не в беспредметном желании покритиковать. Дело тут в том, чтобы на этих уроках теоретической борьбы с т. Бухариным научиться избегать как деляческих выводов из обстановки, так и схолостической, отвлеченной постановки проблем; наконец, чтобы показать бывшим сторонникам тов. Бухарина, что ошибки его отнюдь не случайны и что они коренятся в его теоретических взглядах. Критика тов. Бухарина важна нам в интересах борьбы против правых настроений и теоретической методологии оппортунизма; она важна нам как орудие большевистского воспитания людей, соприкасающихся с работами тов. Бухарина.

Ленин не раз указывал на то, что между теоретическими воззрениями тов. Бухарина и его политической методологией имеется существенная связь. Достаточно напомнить дискуссию о профсоюзах 1921 года и брошюру Ленина об ошибках

Троцкого и Бухарина. В этой брошюре Ленин в связи с обсуждением конкретного вопроса—о роли и задачах профессиональных союзов—развивал ту мысль, что ошибки тов. Бухарина по этому вопросу вытекают из его неверной методологической установки. Там впервые Ленин обстоятельно формулировал обвинение тов. Бухарина в эклектизме, в неумении всесторонне познать предмет и в попытке подменить этот метод всестороннего познания методом механического соединения каких-нибудь нескольких соображений, являющихся продуктом поверхностного знания предмета, в одно, по видимости, научное, но по существу бессодержательное положение. Это обвинение Ленин повторяет в заметках на «Экономику переходного периода», опубликованных в XI книге «Ленинских сборников». Ленин протестует там против стремления тов. Бухарина сочетать марксизм с идеализмом, с «организационной тарабарщиной» А. А. Богданова.

От этой точки зрения,—на существенную связь между политическими взглядами тов. Бухарина и его теоретическими воззрениями.--Ленин не отказался до конца своей жизни, о чем партии хорошо известно.

Сам. тов. Бухарин в своих последних политических произведениях систематически опирается на собственные теоретические работы прошлых лет. В «Заметках экономиста» он пытается рассматривать наше хозяйственное положение под углом теории равновесия. В статье «Теория организованной бесхозяйственности» он идет по той же линии, по линии увязки нынешних воззрений на проблемы мирового хозяйства, со своими взглядами, развитыми в «Экономике переходного периода». И содержание брошюры «Политическое завещание Ленина»

также целиком покоится на немарксистской методологии тов. Бухарина, о чем, впрочем, мы будем говорить в последующем более подробно.

Поскольку предметом нашего рассмотрения является преимущественно книга тов. Бухарина «Теория исторического материализма» (и лишь отчасти «Экономика переходного периода»), позволительно, в дополнение к тому, что уже сказано, привести и разобрать собственное мнение тов. Бухарина об этой его работе.

В своей книге «Теория исторического материализма» «я,—говорит тов. Бухарин,—пытался не только повторить то, что было сказано и раньше,но, с одной стороны, дать некоторые **другие формулировки того же самого, с другой—уточнить и развить** положения теории исторического материализма, **продвинуть дальше** разработку его проблем. Как известно, Энгельс незадолго до своей смерти говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великого учителя является разработка проблем теории. Но такова уже сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи». («Вестник социалистической академии», книга III, стр. 3. «К постановке проблем теории исторического материализма»).

Это, конечно, очень приятно, что «ученик» понял «своих» учителей, и мы весьма заинтересованы посмотреть на то, в каком направлении т. Бухарин пытается продвинуть разработку проблем теории исторического материализма. Замысел автора, если принять во внимание его жалобы на «силу консерватизма мысли человеческой», становится тем более привлекательным. К тому же сторонники бу-

харинской школы не нароком и слишком часто подчеркивают заслуги тов. Бухарина, формулировавшего ряд новых положений истмата якобы в духе «ортодоксального марксизма». Таким «стилем» описывает теоретические открытия тов. Бухарина, например, Д. Марецкий в VIII томе «Большой советской энциклопедии», горько сетуя при этом на то, что критики до сих пор еще не заметили воспеваемых ими «превосходных качеств» книги тов. Бухарина.

***

Материалистическая диалектика исходит из признания того положения, что движение образует форму существования, форму бытия материи. Нет материи без движения и нет движения без материи —вот положение материалистической диалектики, составляющее ее исходную точку.

Говоря о движении, мы, разумеется, не ограничиваемся указаниями на его простейшие формы, на перемещение в пространстве тел и масс. Вслед за Энгельсом мы, при характеристике наиболее общих основ диалектики, под движением подразумеваем не только перемещение, но и все процессы изменения, процессы развития в об'ективном мире, перехода от одних свойств к другим, от одного качества к другому. Это движение, неотделимое от материи, является вечным, оно несотворимо и неразрушимо.

«Движение, говорит Энгельс, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением». («Диалектика природы»).

То же самое положение Энгельс высказывает и в «Анти-Дюринге» «Движение, говорит он, есть форма бытия материи: никогда и нигде не было и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в виде теплоты или в виде электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь,—в той или другой из этих форм движения или в нескольких зараз постоянно находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент».

История науки раскрывает нам историю восхождения человека от познания элементарных, простейших, низших форм движения—перемещения небесных тел и земных масс, до об'яснения движение сложных форм в органической природе и человеческой истории.

«... В историческом развитии естествознания раньше всего была создана теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика, а тотчас же вслед за последней, почти на ряду с ней, а иногда и раньше ее, наука о движении атомов, химия. Лишь после того, как эти различные отрасли познания форм движения, господствующих в области неорганической природы, достигли высокой степени развития, можно было приступить к об'яснению явлений движения, представляющих процесс жизни, при чем успехи его шли параллельно прогрессу науки в области механики, физики и химии.

... Всякое движение связано с каким-нибудь перемещением—перемещением небесных тел, зем-

ных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем мельче это перемещение. **Оно нисколько не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него».** (Энгельс—«Диалектика природы»).

Подчеркнутые нами строки имеют крайне существенное значение, ибо они предостерегают от попыток об'яснять более высокие формы движения простым сведением их к закономерностям низшего порядка, об'ясняющим лишь **ограниченную** сферу явлений. Эти строки ориентируют на познание специфических закономерностей, управляющих движением тех или иных форм, в которые на известной ступени движения откристаллизовываются материи. Указанные специфические закономерности свойственны только этим определенным формам и требуют специального изучения. Энгельс полагает, и это бесспорно, что простейшие закономерности неотделимы от всех наиболее высоких и сложных форм движения материи, но не эти закономерности низшего порядка играют определяющую роль в движении сложных форм. Они входят в это движение лишь как моменты. И по меньшей мере дикостью должно быть признано положение будто, как думают иные, закономерности высших форм движения есть не более, как «инобытие низших закономерностей». Этот аляповатый термин «инобытие» не выражает ничего иного, кроме желания его сочинителей в данном случае об'яснить высшую форму движения простым приложением к ним мерила механики, точно, скажем на основании знаний четырех действий арифметики можно об'яснить законы дифференциального и интегрального исчисления, не изучая их специально, или даже решить задачу из области высшей математики.

Низшие закономерности не могут исчерпать познания высших форм движения по одному тому, что в пределах этих высших форм мы соприкасаемся с процессами, необычными для элементарных форм движения, с процессами изменения качественной определенности вещей, с переходом их в другую вещь, не похожую, по своей внутренней структуре, по своим связям с другими вещами и по характеру своих отношений к этим другим вещам на-вещь, существовавшую прежде.

«Диалектика есть наука «о наиболее общих законах **всякого** движения. Это означает, что законы ее должны иметь силу для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления» (Энгельс).

Но диалектика, как наука, лишь в том случае получает прочную основу в человеческом знании, когда это знание доходит до понимания идеи качественных переходов в об'ективном мире. Диалектика является наукой как раз об этих качественных изменениях, наукой о развитии, как и определяет ее Ленин, говоря, что познание развития в его всестороннем и глубоком виде есть предмет диалектики.

Этих соображений,—об исходных пунктах и задачах диалектики,—для наших целей достаточно. Бесспорно, что признание развития в об'ективном мире составляет основу диалектики, ее отправную точку. Бесспорно также, что содержанием диалектики является познание всех и всяческих форм развития. Диалектика человеческого познания отражает диалектику об'ективного материального мира.

Ясно, что принцип развития марксизм обязывает выдержать и при изучении общества.

Изучение развития общества вообще говоря может считаться доподлинно научным лишь при условии, если это изучение опирается на прочные методологические устои.

Общество есть особая исторически-сложившаяся форма, отличная от всех форм, встречаемых в природе. Познать общество можно и должно не как совокупность разрозненных элементов внешних и чуждых друг другу, а как определенного рода единство, все элементы которого находятся в определенной **закономерной** связи.

Энгельс говорил, что единство мира заключается в его материальности. Перефразируя, мы можем сказать, что единство общества дано процессом материального производства. Этим процессом обусловливается закономерная связь всех элементов общества так же, как и распад этих элементов на определенной ступени развития той или иной общественной формы.

Познать общество в единстве—таково первое требование марксизма.

Марксизм требует вместе с тем познать общество не просто в развитии, в движении, а в саморазвитии, в самодвижении.

Диалектика покоится на признании принципа развития. Она является наукой о развитии. Но развитие можно понимать различно. Диалектика понимает развитие в единственном смысле, в смысле саморазвития. Это понимание нужно всегда иметь в виду, в том числе и тогда, когда мы подходим к изучению человеческой истории. Было бы ошибочным искать причины развития общества вне его самого. Общество должно быть познано в самодвижении. Причины развития общества должны быть

найдены внутри его самого. Забвение этого положения есть прямое отступление от требований марксизма.

То обстоятельство, что единство общества дается процессом общественного производства, предоставляет возможность найти и причины общественного развития. Именно изучение процесса производства обеспечивает познание общества в самодвижении.

Далее мы обязываем рассматривать общественное развитие, как процесс и как результат борьбы противоречий внутри общества. Говоря об единстве общества, мы не должны забывать, что это единство не есть тождество, неразличимость его составных элементов. Это единство есть единство противоположностей. Общественное развитие может быть понято во всем своем богатстве и полноте лишь тогда, когда будет вскрыта борьба противоречий внутри общества.Только иследуя борьбу противоречий, наука поднимается до действительно глубокого и всестороннего знания особенностей развития общества и условий перехода от одних его форм к другим.

Таково третье требование марксизма, пред'являемое им науке, занимающейся познаниями закономерностей общественного развития.

Четвертым требованием марксизма является требование—рассматривать общество в его конкретности. Нужно различать типы общественных формаций и нужно помнить, что каждая из этих фармаций управляется своими особыми закономерностями. Общества «вообще» не существует. Общество «вообще» есть абстракция от конкретных общественно-экономических укладов.

Недостаточно поэтому формулировать несколько общих закономерностей, свойственных всем вообще общественно-экономическим формациям. Надо, кроме этого и вместе с этим, познать каждую общественно-экономическую формацию в ее своеобразии, как исторически-определенную организацию. Только на основе изучения конкретных формаций можно сказать нечто общее, относящееся ко всем формам общественной организации. Но это общее есть лишь половина истины, ее второй половиной являются данные, характеризующие каждый конкретный тип общества.

Итак, понять общество, как единство, цементируемое материальным процессом производства, понять его в самодвижении, понять его как борьбу противоречий, понять его как исторически-определенную конкретную систему—эти методологические требования составляют основу теории исторического материализма.

Мы должны теперь обратиться к книге тов. Бухарина и посмотреть удовлетворяет ли она этим методологическим требованиям. Если она этим требованиям удовлетворяет, мы не в праве обвинять тов. Бухарина в немарксистском подходе к изучению общества. Если этим коренным требованиям книга тов. Бухарина не удовлетворяет, мы обязаны дать критику его собственной методологии, с точки зрения методологии марксизма.

С самого начала нам надлежит ответить на вопрос о том, как относится тов. Бухарин к наиболее общему принципу диалектики,—принципу движения, **к принципу развития.**

Исходной точкой и наиболее общей основой «диалектики» тов. Бухарина является не движение, не развитие, а равновесие. Следовательно, на-

чиная с этого отправного пункта, мы расходимся с т. Бухариным самым резким и непремиримым образом. К изучению об'ективного мира,—природы и человеческой истории,—он с самого начала подходит по-иному чем мы. С самого начала т. Бухарин предает забвению главный принцип диалектики, обнаруживая полнейшее непонимание этого принципа.

Что тов. Бухарин не понял диалектики, об этом говорили люди гораздо более компетентные в марксизме чем мы. Наша задача состоит не в доказательстве этого положения—его доказывать нечего—а в характеристике того, в чем конкретно выражается непонимание диалектики со стороны тов. Бухарина.

Мир представляет из себя совокупность процессов. Познание мира должно отправляться от этого положения, если конечно оно хочет быть адекватным познанием, отражающим действительную картину бытия. Познание должно выяснять формы движения, оно должно отражать мир как он есть в движении, в развитии. И именно к этому требованию материалистической диалектики тов. Бухарин более чем равнодушен, предпочитая движению—равновесие. Что же представляет это равновесие, отправной пункт теоретических построений тов. Бухарина?

Общепринятое понимание равновесия сводится к тому, что под равновесием подразумевают покой. Учение о равновесии есть учение о причинах и состоянии покоя. Лежащая на столе книга находится в состоянии равновесия. Сила тяжести влечет ее вниз. Сопротивление стола уравновешивает эту силу тяжести. Состояние равновесия есть покой книги. Это понятие равновесия, основанного на зако не, что силы,действующие в противоположном друг

другу направлении, взаимно нейтрализуют друг друга и создают условия для устойчивости, для покоя предметов, лежит в основе теории равновесия А А. Богданова. Это понятие является также основой бухаринской теории равновесия, ничем не отличающейся от теории равновесия Богданова и по сути дела позаимствованной у этого последнего.

Тов. Бухарин, как и А. А. Богданов, различает несколько типов равновесия. Избавляя себя от переложений этих «мудростей», мы просто процитируем соответствующие места.

«Мы.... можем различить три главных типа этих отношений (отношений равновесия.—В. К.).

1. **Устойчивое равновесие.** Устойчивое равновесие бывает в том случае, когда взаимодействие между средой и системой выражается в неизменном положении вещей или в таком нарушении прежнего положения, которое вновь восстанавливается в прежней же форме. Например: предположим, что какой-нибудь вид животных живет в степи. Среда сама не изменяется. Для прокорма этого вида животных количество пищи не увеличивается и не уменьшается; количество хищных зверей остается таким же; всякие болезни, разносимые микробами (все ведь это «среда»!), остаются в прежних пропорциях. Что тогда получится? В общем и целом количество наших животных останется тем же: одни из них будут умирать или погибать от хищников, другие рождаться, но данный вид в **таких** условиях среды будет сохраняться таким же, как он был. Здесь перед нами случай застоя. Почему? Потому, что тут сохраняется неизменным **отношение** между системой (данный вид животных) и средой. Это случай устойчивого равновесия. Устойчивое равновесие не всегда есть полная неподвижность. Дви-

жение может быть, но здесь за нарушением равновесия следует его восстановление на **прежней** же основе. В таком случае противоречие между средой и системой постоянно воспроизводится в **том же самом количественном соотношении.**

Такой же случай мы будем иметь и с обществом застойного типа (подробно об этом речь будет итти ниже). Если **отношение** между обществом и природой остается тем же, то-есть если общество высасывает путем производства из природы столько же энергии, сколько тратит, тогда противоречие между обществом и природой тоже воспроизводится в прежней форме. Общество топчется на месте и мы имеем случай устойчивого равновесия.

2) **Подвижное равновесие с отрицательным знаком** (разрушение системы). Может, однако, быть совершенно обратный случай, а именно, когда новое равновесие устанавливается на «низшей» основе. Предположим, например, что количество пищи сократилось для вида наших животных, или что увеличивается по какой-либо причине количество хищников. Тогда этот вид будет «вымирать». Равновесие между средой и системой будет каждый раз устанавливаться за счет отмирания части этой системы. Противоречие будет воспроизводиться на другой основе, с отрицательным знаком. Или случай с обществом. Предположим, что отношение между природой и обществом меняется в такую сторону, что общество вынуждено все больше тратить и меньше получать (истощается почва, ухудшается техника и т. д.). Тогда новое равновесие будет устанавливаться каждый раз на пониженной основе, за счет гибели части общества. Здесь будет движение с отрицательным знаком: общество будет обществом гибнущим, разлагающимся.

3) **Подвижное равновесие с положительным знаком** (развитие системы). В действительности, однако, устойчивого равновесия не бывает. Это только воображаемый, только мыслимый или, как говорят, «идеальный» случай. На самом же деле отношение между средой и системой никогда не воспроизводится в той же самой пропорции. Другими словами: нарушение равновесия приводит в действительности не к восстановлению равновесия на точь-в-точь такой же основе, как раньше, а новое равновесие создается на **новой** основе. Предположим, например (берем пример с нашими милыми животными, о которых мы говорили выше), что число хищников, которые их поедали, почему-либо уменьшилось, а количество пищи увеличилось. Тогда, несомненно, увеличится и число этих животных. Наша «система» будет расти; новое равновесие устанавливается на высшей основе. Здесь налицо **развитие.** Другими словами: противоречие между средой и системой количественно стало другим.

Если мы возьмем вместо животных человеческое общество и предположим,что отношение между ним и природой изменяется так, что общество путем производства высасывает из природы энергии больше, чем тратит (почва стала плодороднее, или привились новые орудия, или и то и другое),—тогда это общество будет **расти,** а не топтаться на месте. Новое равновесие будет каждый раз действительно новым. Противоречие между обществом и природой будет воспроизводиться каждый раз на новой, «высшей» основе и притом такой, когда система будет увеличиваться, развиваться. Здесь мы имеем случай подвижного равновесия, так сказать, с положительным знаком». (Н. Бухарин—«Теория исторического материализма», стр. 79—81).

Цитата, правда, очень длинная, но в ней вся методологическая «соль» книги тов. Бухарина. Обойти ее было бы поэтому непростительно.

Не лишне заметить, что стремление рассматривать обещство не в плане развития, а в плане устранения развития (в плане якобы все более определяющихся тенденций общества к покою, к равновесию, к устойчивости) **перенято** А. А. Богдановым, а через него и тов. Бухариным **у махистов.**

Известный махист Петцольд во втором томе «Введения в философию чистого опыта» в основу своего исследования общества кладет эти самые тенденции к устойчивости. Общество, по словам Петцольда, идет к «совершенно устойчивому состоянию», и, развивая свою доктрину на этой «базе», Петцольд справедливо ставит всю свою философию в прямое отношение к потребностям филистера, чего, понятно, некоторые из его современных последователей и не поймут и не примут.

Нет сомнений, что теория равновесия тов. Бухарина подводит его именно к методам этой школы, заставляя выдвигать на первое место не развитие, а покой под именем «оригинального» равновесия. А что тов. Бухарин выдвигает равновесие на первое место, это он ни капельки не скрывает. Напротив того, он прямо провозглашает законность этого выдвижения, называя порок добродетелью. Он сознается, что исходит из «равновесия между телами... между системами и проч.».

Проводя ряд примеров, касающихся солнечной системы, животного мира и общества, тов. Бухарин резюмирует:

«Из всех этих примеров видно, что по сути дела речь идет об одном и том же, а именно о равнове-

сии. Но если это так, то при чем же здесь противоречия и борьба? Как раз наоборот: борьба и есть нарушение равновесия. К чему же было огород городить? Однако, дело в том, что равновесие, которое мы наблюдаем в природе, это не абсолютное, не неподвижное равновесие,—равновесие подвижное. Что это значит? Это значит, что равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на новой основе и снова нарушается и т. д.

Более или менее точное понятие равновесия таково. «О какой-нибудь системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе, т. е. без извне приложенной к ней энергии, не может изменить данного состояния». Если, скажем, на какое-либо тело давят уравновешивающие друг друга силы, оно находится в состоянии равновесия; если одну из этих сил уменьшить или увеличить, тогда равновесие нарушится.

Если нарушение равновесия быстро прекращается и тело возвращается в **прежнее** положение, тогда такое равновесие называется устойчивым; если этого не бывает, равновесие называется неустойчивым. В естественных науках различают механическое равновесие, химическое равновесие, биологическое равновесие». (Там же, стр. 76—77).

Из конспекта последних рассуждений опять же с очевидностью следует, что по мнению тов. Бухарина—равновесие есть первое, что бросается в глаза, что реально дано и с чего начинает наука.

В свете этих рассуждений свое необходимое освещение получает и определение диалектики, данное тов. Бухариным. «Диалектический метод, диалектический способ рассматривать все сущее, говорит он,—требует рассмотрения всех явлений, **во-первых, в их связи**» (курсив наш—В. К.). Но

связь можно мыслить и в устойчивом состоянии, вне движения. Ее можно мыслить как нечто данное статистически. Марксизм учит, что связь явлений устанавливается в ходе развития. Т. Бухарин, начиная с равновесия, берет эту связь как нечто исконе существующее, безотносительно к движению и развитию.

Нам могут, впрочем, возразить, что тов. Бухарин рассматривает все явления природы и истории не просто под углом равновесия, а под углом **подвижного** равновесия. Указания на подвижность равновесия не улучшает, а лишь **ухудшает** позицию тов. Бухарина, ибо это преоригинальное словосочетание подвижное равновесие—нечто в роде «движущийся покой»,—кричащим образом свидетельствует о неслыханной нищете «философии» равновесия, начавшей с покоя, затем привлекающей для об'яснения явлений движение, но не для того, чтобы признать его абсолютным и сделать упор именно на движении, а для того, чтобы снова признать главенствующей тенденцию к покою, к равновесию.

Общая форма процесса—общественного развития—может быть выражена по мнению т. Бухарина в следующем виде: «это есть, во-первых, состояние равновесия, во-вторых, нарушение этого равновесия, в-третьих, восстановление равновесия на новой основе». Если для нарушения равновесия требуется движение, то и в этом случае движение по мысли тов. Бухарина есть лишь звено или средство перехода от покоя к покою, от равновесия к равновесию. Движение низводится до положений некой третьестепенной частности. Покой же, равновесие становится универсальным, всеобщим и абсолютным законом. И во всех высказываниях тов.

Бухарина, выражаясь его собственными словами «история повторяется сызнова».

Пойдем дальше. В полуполемической форме т. Бухарин доказывает не только законность, но даже ортодоксальность своего «понимания» диалектики, конкретизированной, как теория равновесия. При этом он пытается сослаться, понятно, не на Петцольда и Богданова, а на Маркса. Тов. Бухарин высказывает ту мысль, что в наше время есть возможность выражать движение общественной жизни не в терминах гегелевской диалектики,пропитанной мистицизмом [1]), а в терминах современной механики. Более того, по мнению тов. Бухарина, намеки на такую постановку вопроса, при которой категории диалектики могут быть подменены категориями механики, дает, будто-бы, сам Маркс.

«Мы считаем вполне возможным переложить «мистический», как Маркс его называл, язык гегелевской диалектики на язык современной механики. Против механических обозначений сравнительно недавно были протесты в среде почти всех марксистов. Это происходило потому, что старое представление об атомах рассматривало их, как обособленные, не связанные с другими, изолированные частицы. Теперь, с учением об электронах, об атомах, как целых системах, наподобие солнечной, нет никаких оснований бояться механических обозначений. (Говоря по совести, все «воспоминания» об «атоме и электроне что называется ни к селу, ни к городу. В. К.) Наиболее прогрессивные течения эти научной мысли во всех областях ставят вопрос именно так. У Маркса есть ясные намеки на такую постановку вопроса. (Учение о равновесии

[1]) Вот откуда современные механисты позаимствовали свои „соображения“ о Гегеле—„Мистик“ и конец ему вместе с его диалектикой.

между отдельными отраслями в производстве, основанная на этом теория трудовой ценности и т. д.»). «Теория исторического материализма», стр. 78).

Подводя итоги рассмотрения исходных позиций тов. Бухарина, мы, таким образом, вынуждены повторить, что он стоит на статической точке зрения. Как бы сам тов. Бухарин ни симпатизировал диалектике, как бы он ее ни восхволял, остается фактом, что он не понял даже общего характера диалектики. В трактовке т. Бухарина равновесие—абсолютно, напротив того, движение—относительно. Главное—покой, главное—равновесие, производное, второстепенное, подчиненное—движение. Равновесие нарушается и восстанавливается на старой и новой основе. Это основной закон бытия. Эту точку зрения рановесия тов. Бухарин выдерживает при изучении общественной организации при анализе всех ее звеньев. И тогда, когда он берет взаимоотношения общества с природой, он подходит к изучению этих взаимоотношений под углом зрения равновесия системы и среды. И тогда, когда т. Бухарин берет соотношение элементов внутри общества—производительных сил и производственных отношений, классов, базиса и надстройки, общественного бытия и общественного сознания,—он пытается рассмотреть все это и развернуть перед читателем в плане теории равновесия. Движение по сравнению с равновесием ничто,—равновесие по сравнению с движением—все. Движение нарушает покой, но через все эти нарушения покой, равновесие приходит к самому себе. Ударение, упор делаются тут только на покой, на равновесие, подвижное в том единственном смысле, что время от времени оно нарушается, но не устраняется, не сводится на второстепенные роли, а остается основным законом.

Сопоставьте эту трактовку тов. Бухарина с нашим пониманием процессов совершающегося в об'ективном мире.

Из соображений, развитых выше, видно, что марксизм признает движение абсолютным. Марксизм вовсе не отрицает явлений равновесия. Более этого—марксизм признает **единство движения и равновесия.** Но марксист обязан подчеркивать временный характер и относительность всякого равновесия—это раз. Кроме того, и это второе положение важнее первого, марксист обязан помнить, что не может быть и речи о равновесии всего об'ективного мира. Принцип равновесия действителен и приложим только к отдельным элементам этого мира, к отдельным формам материи.

Проникая вглубь процессов, протекающих в природе и истории, мы не можем не заметить того, что отдельные предметы, если сравнивать их положение с общим движением мира, находится в относительном покое. В общем движение—отдельные явления, вещи и предметы достигают такого состояния, при котором про все эти явления, вещи и предметы можно сказать, что они находятся в устойчивом положении, что они уравновешены, что их характеризует известный временный, относительный покой. Этого не решится отрицать никто из марксистов. Энгельс в «Диалектике природы» весьма ясно и недвусмысленно отмечает важность указанного положения. Недвусмысленно говорит он там о единстве движения и равновесия. Покой, равновесие не есть нечто стороннее, внешнее по отношению к движению. Покой есть лишь одна из отрицательностей, одна из сторон, одно из ограничений самого движения.

Без того, чтобы не было известного покоя, известного равновесия, известной устойчивости в движении отдельных предметов, без этого не могло бы произойти дифференциации материи, расчленения ее на различные виды и закрепление ее в этих различных, определенных видах, в определенных формах. Для оформления материи в какую-нибудь определенную вещь, планету, в органический мир, в различные виды растений и животных, нужно было, чтобы оформляющиеся элементы находились в относительном покое. Этот относительный покой является предпосылкой, условием оформления материи, ее дифференциации. Не будь относительного покоя, разнообразные элементы материи не имели бы качественной определенности, не закреплялись бы в виде строго очерченной и специфической формы. Увлекаясь общим потоком движения, они мгновенно переходили бы из одного состояния в другое, вновь и вновь разрушаясь.

«Равновесие, говорит Энгельс, неотделимо от движения. В движении небесных тел движение находится в равновесии и равновесие в движении. Всякое специальное движение отдельных более мелких тел на каком-нибудь движущемся небесном теле—это стремление к установлению относительного покоя, равновесия. Без относительного покоя нет развития. Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием диференцирования материи, а значит, и жизни. На солнце нет вовсе равновесия отдельных веществ, а только всей массы, или же только весьма ничтожное равновесие, обусловленное значительными различиями плотности, на поверхности—вечное движение, отсутствие покоя, диссоциации. На луне, повидимому, царит

полное равновесие, без всякого относительного движения—смерть (луна—отрицательность). На земле движение диференцировалось в смене движений и равновесия: отдельное движение снова уничтожает отдельное равновесие. Скала пришла в покой, но процесс выветривания, работа морского прибоя, действие рек, глетчеров непрерывно уничтожает равновесие. Испарение и дождь, ветер, теплота, электрические и магнитные явления представляют ту же самую картину. Наконец, в живом организме мы наблюдаем непрерывное движение всех мельчайших частиц его, а также более крупных органов, имеющее своим результатом, во время нормального периода жизни, постоянное равновесие всего организма и, однако, пребывающее всегда в движении; мы наблюдаем здесь живое единство движения и равновесия. Всякое равновесие лишь **относительно и временно».**(«Диалектика природы»).

Не менее определенно Энгельс высказывается и в «Ани-Дюринге». Вот это место: «Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл только по отношению к той или другой определенной форме движения. Так, например, известное тело может находиться на земле в состоянии механического равновесия, т. е. механически—в состоянии покоя, но это не мешает тому, чтобы оно принимало участие в движении земли и в движении всей солнечной системы, как это не мешает его мельчайшим физическим частицам испытывать обусловленные его температурой колебания или же атомам его вещества—участвовать в известном химическом процессе. Материя без движения также немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому точно так же нельзя создать и разрушить, как и самую материю—мысль, которую прежняя

философия (Декарт) выражала так: количество имеющегося в мире движения всегда одно и то-же. Следовательно, движение не может быть создано, оно может быть только передано».

Отправляясь от равновесия, тов. Бухарин, как ему кажется, следует за Марксом. К сожалению, он не указывает соответствующих мест из произведений Маркса, послуживших якобы основой для такого, совершенно неправильного, заявления. Нигде и никогда поводов подобного рода Маркс не давал и не мог дать, ибо он стоял на позиции прямо противоположной той, которую приписывает ему тов. Бухарин. В первом томе «Капитала» Маркс высказывается по интересующему нас вопросу с такой поразительной ясностью, что приходится только удивляться, как мог тов. Бухарин истолковать Маркса совершенно в обратном смысле... «Различные сферы производства, пишет Маркс, **постоянно стремятся к равновесию,** потому-что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности... С другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако **это постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия».** (Стр. 268. Подчеркнуто нами—В. К.).

Не ясно ли, что под постоянным нарушением равновесия Маркс понимает здесь движение, отсутствие равновесия и что он, как бы специально против любителей, исходить из равновесия, подчерки-

вает лишь тенденции к равновесию, а не состояние равновесия различных сфер производства.

***

Перейдем теперь к рассмотрению того, как принцип равновесия прилагается т. Бухариным к «об'яснению» законов общественной жизни.

С самого начала заслуживают внимания бухаринские определения общества. Он говорит: «Общество есть реальная совокупность, ибо между его составными частями происходит непрестанный, непрерывный процесс взаимодействия» (стр. 90). И характер этого взаимодействия для популярности тов. Бухарин об'ясняет примером. «Господин NN женился. Для этого он предварительно покупал подарки и влиял по экономической линии на других людей; он, как правоверный христианин, а не какой-нибудь большевик, звал попа и подкреплял тем церковную организацию, а это маленькими волнами отражалось и на влиянии церкви и на всем состоянии чувств и настроений данного общества; попу он платил и повышал спрос на те товары, которые попы потребляют, и т. д. А жена ему рожала детей, что в свою очередь влекло тысячу последствий. Подумайте, скольких людей малюсенькими влияниями коснулся факт женитьбы г. NN (там же).

Пример, слов нет, прост и вполне соответствует простоте представлений его автора об обществе.

Подготовив читателя примерами к восприятию «науки», т. Бухарин продолжает определять общество. «Наиболее широкая система взаимодействий, обнимающая все длительные взаимодействия между людьми, и есть общество» (там же стр. 92). Это определение сложнее первого, но наука в нем так-

же мало, как и в первом определении, со всеми его примерами.

Из этого определения, если расчленить его на части, можно отметить две черты, которыми характеризуется общество с точки зрения тов. Бухарина. Общество есть система, это раз, и для элементов этой системы типичны длительные взаимодействия между собой—это два. Указания на длительные взаимодействия, по мысли тов. Бухарина, самое существенное в его определении общества. И тем не менее это указание ровно ничего не говорит нам о том, что является основным свойством, выделяющим общество в особый тип организации. Длительные взаимодействия различных элементов между собой, их взаимное влияние друг на друга, или взаимодействие системы со средой не есть специфическая, черта человеческого общества. Эти взаимодействия в той или иной мере свойственны огромному большинству «систем» и форм материи. Не этой «системой длительных взаимодействий» общественная организация отличается от всего остального мира. Камень взаимодействует с окружающей средой, то развымаясь дождем, то выветриваясь, то раскаляясь и в конце концев распадаясь на составные элементы, то же взаимодействующие между собой. Формула H_2O—вода, выражает длительное взаимодействие водорода и кислорода. Борьба за существование между различными видами растений и животных на определенной территории—точно также форма длительных взаимодействий между элементом органической природы. Совершенно очевидно, что бухаринское определение общества не подчеркивает того решающего, главного, специфического, оригинального чем общество действительно отличается от всех прочих

форм об'ективного мира. Хочет или не хочет этого тов. Бухарин, но в его определении существенным остается лишь одно, именно то, что он говорит о взаимодействии **людей.** Но не лучше тогда сказать гораздо проще и понятнее, что **общество есть люди,** не наварачивая излишних слов и примеров. Это последнее определение во всяком случае было бы очень удобным, ибо имелась бы возможность поворачивает его и так и наоборот: «общество есть люди, люди есть общество и т. д.». Однако же, много ли говорит такое определение о действительных особенностях общества? Да и определение ли это?

Общественная организация выделяется из природы, как исторически особая форма, благодаря процессу материального производства. Почему бы т. Бухарину не взять за исходный пункт своих определений «понятие общества», как раз этот определяющий структуру общества и «внутренне присущий ему атрибут? Понимание общества, как единства, скрепляемого и обусловленного процессом общественного производства, стоит вне теоретического горизонта тов. Бухарина.

Чтобы понять до какой степени немарксистким являются все дефиниции тов. Бухарина, достаточно сравнить его взгляд на общество со взглядами Маркса.

«Общественные отношения производителей, общественные условия производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных сил средств производства, т. е. производительных сил. **Условия производства, в их совокупности, образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития**—обществом с определенным, отли-

чительным характером. Такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою античное (древнее) общество, феодальное (средневековое) общество, буржуазное общество и каждый из этих видов общественных организаций соответствует, в свою очередь, известной ступени развития в истории человечества» (Маркс «Наемный труд и капитал»; подчеркнуто нами—В. К.).

И в «Капитале» Маркс определяет общество аналогично этому, специально подчеркивая решающую роль процесса общественного производства. «Мы видим, пишет он, что капиталистический процесс производства есть исторически-определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а следовательно, и носителей этого процесса, материальных условий их существований и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формой последних. Потому, что **совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношения, при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество...».** (Капитал, том III, ч. II, стр. 289—290).

Совокупность определенных производственных отношений—вот что по Марксу является обществом. Без дальнейшего ясно и об этом сам Маркс говорит вполне исчерпывающе, что производственные отношения берутся им в связи с людьми; люди воплощают эти отношения, являются их носителями.

Рассуждения Маркса отличаются от рассуждений тов. Бухарина по тому же самому предмету, как день от ночи. Маркс сразу рассматривает общество, как единство и указывает основу этого единства. Тов. Бухарин не видит ни общества, ни его единства, ни основы, образующие и резюмирующие собой это единство. Маркс сразу находит то специфическое, что отличает общество от всех систем длительного взаимодействия, встречаемых там и сям, тов. Бухарин этого найти не может и не умеет. Мы не можем принять в расчет простых уверений тов. Бухарина насчет того, что экономика определяет собою все. Эти уверения должны быть доказаны. Они теряют свою силу, если понимание общества невыдержано в плоскости их обоснования.

Крайне важно, что Маркс в своем определении общества говорит не о производственных отношениях вообще, а об исторически-определенных производственных отношениях. Он имеет в виду указать на то, что общество, как единство, может быть понято лишь при условии, если мы будем рассматривать развитие производительных сил в единстве с определенной формой производственных отношений. Производство вне определенных общественных форм не существует. В дальнейшем мы еще не раз встретимся с тем, как игнорируется это коренное методологические положение Маркса тов. Бухариным в его книге.

Едва ли не основной особенностью теоретической и политической методологией тов. Бухарина является его манера конкретную особенность предмета, события и дня попить в общих соображениях и схемах. В этом отношении тов. Бухарин ортодоксален на протяжении десятилетий. Ортодоксия тов. Бухарина дает о себе знать и при опре-

делении им того, чем является общество. Тут, как везде, главную особенность общества, взаимодействия и связь в процессе общественного производства он подменяет рассуждениями о связях и взаимодействии вообще, взятых вне их диференциации и вне качественной характеристики, основных, все собой определяющих видов связи и взаимодействия. Нет общества, главную особенность которого образует взаимодействие людей вообще. Главная особенность общества есть общественный процесс производства и взаимодействия в этом процессе.

Тов. Бухарин очевидно и сам чувствует недостаточную верность своего определения. Поэтому-то он и пытается при определении общества «привлечь» все-таки производство. Он пишет: «наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные взаимоотношения, опирается на их трудовую связь». Не трудно заметить, что трудовая связь фигурирует в этом случае совсем некстати, поскольку задолго до этого тов. Бухарин оказался в состоянии дать определения общества без каких бы то ни было экивоков в сторону трудовой связи. Если даже принять указание на трудовую связь за нечто весьма существенное, хотя это все-таки не то, о чем говорит Маркс, то и тогда положение дел не улучшается. Трудовая связь находится где-то поодаль от общества и определяет взаимодействие людей так сказать через почтительное расстояние, тогда как на самом деле в ней, точнее сказать, в процессе труда, протекающем в определенной общественной форме, вся сущность общества «как системы».

Строго говоря, тов. Бухарин под обществом понимает все, что угодно и менее всего то, что нужно. Он доходит до того, что определяет обещство, как

совокупность людей и вещей, указывая, что «в общество входят также и вещи».

Характерно также, что определяя общество, как систему наиболее широких и длительных взаимодействий, тов. Бухарин рассматривает производство, не как основу движения общества, а как основу равновесия. «Мало сказать, что эти взаимодействия длительны. Нужно еще выяснить их характер... То, что составляет необходимейшие условия их равновесия». («Теория исторического материализма», стр. 93). И дальше он говорит о том, что этим условием равновесия является производство и трудовая связь.

Спорить против такого положения нет нужды. Неверность его бьет в глаза. Производство является основой движения человечества как внутри определенной общественной формы, так и от одной общественной формы к другой; от античного общества к феодолизму, от феодального порядка к капиталистическому обществу и далее—к коммунизму.

Отметив, что книга тов. Бухарина не удовлетворяет первому требованию методологии исторического материализма, понять общество в единстве, подобно тому, как мы познаем единство об'ективого мира в его материальности, обратимся к рассмотрению других принципов его «методологии».

Мы уже говорили, что к числу важнейших требований исторического материализма принадлежит требование познать общество в самодвижении. Написано не мало трудов, не мало книг и страниц Марксом, Энгельсом, Плехановым и Лениным, об'ясняющих, где надо искать причины развития общества. Казалось бы, ученики великих учителей должны были итти по линии ортодоксальной разработки наметок, данных классиками марксизма?

Но тов. Бухарин, несмотря на словесное согласие следовать указаниям Маркса и Энгельса, фактически переходит на позиции принципиально отличные от позиций марксизма. Прямой иллюстрацией к этому является его рассмотрение условий и причин развития общества.

В первую очередь процитируем самого тов. Бухарина.

«Если мы рассматриваем общество, как систему, то **средой** для нее будет «внешняя природа», т.-е. в первую очередь наша земная планета со всеми ее натуральными (естественными) свойствами. Вне этой среды человеческое общество немыслимо. Природа является и **питательной средой** для человеческого общества. Этим определяется ее жизненное значение. Но, разумеется, было бы глупо рассматривать природу телеологически: человек, мол, —царь природы, природа приуготована для него, и все приспособлено для человеческих потребностей. На самом деле природа часто обрушивается на человека так, что от «царя природы» остается мокренько». («Теория исторического материализма», стр. 112).

Верно, конечно, что природа является средой для общества. Но эту истину тов. Бухарин развивает односторонне и потому неправильно. Процитируем еще: «Человек никогда не будет в состоянии выпрыгнуть из природы. И даже тогда, когда человек покоряет природу, он не делает **ничего большего,** как использует законы природы в своих целях». (Там же).

Если бы, рассматривая характер связей между природой и человеческим обществом, мы ограничивались тем, что признавали природу средой для общества, не подчеркивая того обстоятельства, что

на известной ступени развития общество может создать и создает известную среду для развития природы, мы сделали бы явный шаг назад от марксизма. Природа есть среда для общества. Однако, покоряя природу, подчиняя ее своему воздействию, расширяя географические границы своего влияния, изменяя направление рек, значение гор, морей, отводя давление стихии на процессы труда, на жизнь неорганических и органических элементов природы, общество создает те или иные возможности для течения процессов природы по-иному, чем это было раньше, на заре человеческой истории. Общество само становится средой для развития природы, по крайней мере для ее определенных звеньев. Развитие техники и науки в текущую историческую эпоху, а еще более тогда, когда общество будет организовано на началах общественного производства, делает эти тенденции, во всяком случае, необратимыми. Вместо того, чтобы отметить эту вторую сторону, тов. Бухарин ограничивается непомерно преувеличенным подчеркиванием одной стороны. Практический эквивалент теории, который не хочет заметить изменений, вводимых обществом в движение природы,—понижение влияния климатических условий, улучшение почвы, ее коренное изменение, строительство гигантских гидроэлектрических станций, соединение каналами рек и морей,—короче, изменения лица самой природы, в интересах общественного человека, практический эквивалент такой теории очень не велик. Невелико ее действенное значение.

Благодаря целому ряду условий уже теперь человечество в состоянии так воздействовать на элементы среды и на всю среду, которой мы окру-

жены, что это воздействие приводит к изменению направления и форм природы.

Искусственный отбор у биологов является средством изменения видов и условий их жизни. Химия показывает нам примеры изменения свойств и качеств различных веществ в природе. С помощью химии и физики мы приводим в движение такие силы, которые меняют не только внешние черты природы, но и характер ее влияния на нас, направление и закономерность ее движения в тех или иных звеньях, т.-е. черты ее внутренней структуры. Таким образом и для элементов живой, и для элементов мертвой природы мы, опираясь на завоевания техники и естествознания, создаем известную обстановку, известную среду. Природа есть среда для общества, общество есть среда для природы.

Тов. Бухарин подошел к анализу взаимоотношений природы и общества не диалектически, ухватившись лишь за одну из сторон во всем процессе этих взаимоотношений. Впрочем, это только начало ошибок тов. Бухарина в вопросе о взаимоотношениях между обществом и природой.

В последующем изложении тов. Бухарин указывает на то, что процесс производства «есть процесс постоянного нарушения и восстановления равновесия между обществом и природой». Он называет это равновесие внешним. При этом т. Бухарин добавляет, что если мы имеем дело с расширенным воспроизводством, то в таком случае равновесие является подвижным. Подчеркивая, что производство является условием равновесия между обществом и природой, тов. Бухарин направляет свое влияние на поиски причин нарушения и восстановления этого равновесия, иначе говоря, на поиски причин

развития общества, или по его выражению, «системы». Он приходит к следующим выводам: «...Когда речь идет о системе, то причины изменений этой системы нужно искать в соотношении ее со средой». («Теория исторического материализма», стр. 116). В другом месте т. Бухарин говорит: «При рассмотрении общества, условий его развития его форм, его содержания и проч. нужно начинать это рассмотрение с анализа производительных сил, или с технической основы общества». (Там-же, стр. 131—132). Развивая эту мысль, тов. Бухарин продолжает: «Раз переменной величиной является техника и именно это движение техники и вызывает изменения отношений между обществом и природой, то ясно—тут и должен лежать **исходный пункт анализа общественных изменений».** (Там-же стр. 133, курсив наш, В. К.). Мест, подобных этому, у тов. Бухарина бесчисленное количество. Мы приведем еще два из них. «Исторический способ производства, т.-е. форма общества, говорит он, определяется развитием производительных сил, т.-е. развитием техники». (Там-же, стр. 137).

Наконец, в статье. «К постановке проблем теории исторического материализма» тов. Бухарин так резюмирует свою точку зрения: «Соотношение между средой и системой есть величина, определяющая в конечном счете движение любой системы». («Вестник социалистической академии», книга III, стр. 7).

Крайне характерно, что этой формулировкой тов. Бухарин имеет в виду дать ответ профессору **Брандербургу,** поставившему марксистам вопрос: что является причиной развития производительных сил в направлении к социализму.

Ответ тов. Бухарина, как мы увидим ниже, является явно неудовлетворительным.

Чтобы серьезнее разобраться в существе всех этих цитат, выделим главные мысли, отстаиваемые здесь тов. Бухариным.

Первая мысль тов. Бухарина сводится к тому, что причиной развития общества надо искать в изменении соотношений между «системой и средой». Вторая мысль заключается в том, что соотношение между обществом и природой изменяется под влиянием изменения техники.

Характерно, что во всех своих высказываниях тов. Бухарин ставит знак равенства между понятием производительных сил и техникой. Из состава производительных сил у него выпадает и предмет труда, и сам труд. Но не принимая в расчет такого элемента производительных сил, каким является живой труд, тов. Бухарин попадает в порочный круг. В самом деле, в одном случае он говорит, что величиной, определяющей движение системы, является соотношение ее со средой. В другом случае, желая определить причины изменения этого соотношения, он отсылает нас к технике. Когда же речь заходит о том, чем определяется развитие техники, он снова отсылает нас к соотношению между системой и средой.

Методологический порок этой постановки тов. Бухарина состоит в том, что причины общественного развития он хочет найти за пределами общества, на грани отношений его с природой, решительно отказываясь искать эти причины внутри общества, следовательно, отказываясь познать общество в самодвижении. Даже тогда, когда он усиленно доказывает, что техника определяет собой все, даже тогда он стоит далеко от познания обще-

ства в самодвижении, поскольку сам он не в состоянии найти причины развития техники внутри общества и вынужден полагаться на внешний толчек, на признание того, что движение техники обуславливается средой. В этом случае ошибка тов Бухарина очевидна. Он фактически переходит на позиции, чуждые марксизму, на позиции признания решающего значения за географической средой.

Получается нечто вроде небезызвестной сказки про белого бычка: соотношение общества с природой определяет движение техники, движение техники определяет соотношение общества с природой и так без конца.

Повидимому, тов. Бухарин смешивает две различные вещи. Техника является показателем уровня развития производительных сил, стало-быть, уровня развития общества. Уровень техники показывает степень власти человека над природой, характер взаимоотношений между обществом и окружающей ей средой, уровень техники резюмирует развитие общества. Вместо того, чтобы рассматривать технику таким образом, вместо того, чтобы говорить о ней, как об измерителе высоты общественного развития, тов. Бухарин говорит о технике, как о причине развития общества, в сущности не решая, а лишь отодвигая решение вопроса. Ибо остается невыясненным, что же является причиной развития техники? Нельзя принимать всерьез указания на среду, ибо странно, как это мертвые элементы природы обуславливают собою движение и изменение орудий труда, т.-е. техники. А между тем вопрос об изучении действительных причин развития техники есть коренной вопрос теории исторического материализма. Тут мы подходим по-настоящему к вопросу о познании общества в самодвиже-

нии, к вопросу об изучении диалектики общественного развития.

Вся суть дела заключается в том, что т. Бухарин выбрасывает труд, а выбросив труд, он никогда не познает общества в самодвижении, никогда не найдет подлинных причин его развития.

На этом пункте мы намерены остановиться более подробно.

В знаменитой статье «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны» **Энгельс** говорит, что труд создал человека. Благодаря труду изменилось строение самого человека, диференцировались его органы и для каждого из этих органов определилась специальная роль. Это положение Энгельса дает ключ к об'яснению не только изменений, происходящих в органическом строении человека, но и к пониманию причин движения всего человеческого общества, включая сюда и причины перехода его от одной общественной формы к другой.

Труд создал человека. Но труд не только создал человека, создавая человека, труд создавал технику, труд создал общество и самого себя как труд подлинно общественного человека. Труд является основной причиной развития производительных сил. В этом гвоздь вопроса. Соответственно этому в технике овеществляется движение труда.

Техника не может быть причиной развития общества. Она является одним из ближайших условий этого развития. Но условия и причина не одно и то же.

Доказательством этого положения является сама история техники.

Не выяснив диалектики развития труда, мы никогда не поймем диалектики развития производительных сил.

Камень—первое из самых древних орудий труда. И история развития каменных орудий с поразительной ясностью вскрывает исключительную роль живого труда в преобразовании одного вида орудий в другой.

Изменения температуры, уже сами по себе, подготавливают камень к употреблению для самых различных целей. Благодаря температурным изменениям, камень расщепляется на части, имеющие разнообразные формы: круглые, плоские, острые, с одной стороны, с двух сторон или в конце. Если, поэтому, человек не умел сам изготовить камень соответствующей формы, чтобы употребить его для специальных целей: что-либо расколоть, разрезать, проткнуть,—он мог пользоваться готовыми формами камня. Однако до употребления различных форм камня для различных специальных целей: разбивать, резать, прокалывать, скаблить—он доходил совсем не благодаря догадливости и умению определить заранее для чего лучше всего может быть употреблен камень той или иной формы. Сам процесс труда подводил человека к использованию различных форм камня для выполнения специальных работ. Плоский и тупой булыжник, в ходе выполнения различного рода операций, борьба с дикими животными, выкапывание корней, трав и деревьев, снятие шкуры с убитого зверя и пр.—раскалывался, становился подобным ножу или остроконечным и делался более удобным. Бесчисленное повторение этих операций приводило в конце концов к тому, что употребления камня в новой форме стало более или менее постоянным. Люди уже стремились использовать его таким, а не иным, или даже разыскивать камень специальной формы, пока не научились изготовлять его.

Процесс труда сам постепенно диференцировал одну форму орудий труда на множество форм, каждая из которых получила специальное назначение. Но раз были найдены новые формы орудий труда—каменный молот в его древней форме, когда палку заменяла рука,—в ходе своего употребления превращался в топор, нож, шило, иглу, скребницу и т. д.—процесс труда непрестанно усовершенствовал каждую из этих форм. Мелкие и мельчайшие изменения, вносимые в строение орудий труда, в ходе их непосредственного употребления, следовательно, в процессе самого труда, через несколько поколений, делали эти орудия неузнаваемыми, по сравнению с их первоначальным видом.

Труд был причиной их развития.

Даже изготовление рукоятки каменного молота, или топора, найдено в процессе труда. Расщепляя дерево, человек не мог не заметить, что начало трещины зажимает камень и удерживает его. Этот способ изготовления рукоятки, по свидетельству историков, еще недавно встречался у некоторых из индейских племен.

Изобретение ручной мельницы прямо вытекает из употребления камня для раздробления твердых предметов. Углубления на нижнем камне явилось результатом того, что он подкладывался при операциях раздробления. Размалывание зерен и иных злаков пошло как раз по линии повторения этих операций. Но размалывание и растирание послужило основой для изобретения ступы и для сверления камня. В одном случае человек доводил углубления до определенных размеров и останавливался, получая ступу. В другом, заменяя злаки более упругими элементами, например мокрым песком, бы-

стро с'едающим камень, он от ручной мельницы переходил к сверлению.

Стихийно логика процессов труда все чаще и все шире приводит к новым операциям и изготовлению все новых и новых орудий труда. Так в данном случае: вместо верхнего широкого камня ручной мельницы появляется узкий камень, входящий в углубление, пестик, и затем каменное сверло.

Нет нужды загружать изложение примерами. Мы поэтому ограничимся еще указанием на роль труда в развитии двух древнейших видов производства—гончарного дела и тканья.

Наблюдение за согревающим действием мелких водяных капель — паров является исходной точкой варки. Но варку можно производить лишь в огнеупорных сосудах. Поэтому прежде чем дойти до варки, люди ограничивались подогреванием. Оно производилось либо в скорлупе кокосового ореха, либо в непроницаемой плетенке.

Скорлупа кокосового ореха (и анологичный ей сосуд) подвигается к огню или к раскаленным камням для подогревания. Прогорая в одном месте, он замазывался глиной один, другой, третий раз, пока не перестает прогорать. А прогорать он перестает тогда, когда закаляется глина и сгорает скорлупа. Вместо скорлупы получается глиняная огнеупорная посуда. Поправки, вносимые человеком, откристаллизовывают новую, невиданную до того, форму, гораздо более выгодную, чем все прежние формы и вводит ее в постоянное употребление.

Где тут причина перехода к горшку? Очевидно, что этой причиной является труд человека, стихийно и постепенно совершенствующий самые разнообразные виды и формы орудий и домашней утвари.

То же самое, с известной вариацией, относится и к плетенке. Плетенка обмазывается глиной для того, чтобы быть предохраненной от огня, но огонь уничтожает плетенку и закаляет глину в строго-очерченной форме. В последующем плетенка используется уже не как средство варки, а лишь как формовка для производства глиняной посуды.

Изучение первобытных ступеней развитий общества показывает, что исскуство плетения является предпосылкой тканья, при чем опять-таки переход к тканью является продуктом стихийной диалектики труда.

Прутья заменялись мягкой корой (лубой), кора—волокном. Первоначальный способ тканья был простой копией плетения. Нитки—основа натягивались вертикально, наподобие прутьев, уток проходил через эти прутья наподобие того, как проходят прутья, кладущиеся горизонтально.

Один вид производства был основой для других видов, и лишь совершив переход к этим другим видам производства, живой труд — отдиференцировал, специальные для каждого вида, орудия труда, непрерывно совершенствуя их в процессе самого производства и тем поднимая технику с одной ступени на другую. Игла, служившая для шитья, превращалась в челнок, особый вид иглы, приспособленный специально для тканья. Но между иглой,первоначально использовавшейся в тканье и челноком, вошедшим в употребление потом, лежит множество разнообразных инструментов переходного типа, так же отличных от иглы, как еще отдаленно похожих и на челнок. Эти переходные виды инструментов—фотография того процесса, как воздействовал труд на развитие системы орудий труда, на развитие техники.

Но для того, чтобы раскрыть и показать определяющие значение живого труда, для развития производительных сил, нам нет необходимости оставаться на уровне рассмотрения ранних ступеней человеческой истории. Для доказательства этого положения богатейший материал представляет капиталистическая формация. Маркс брал как раз эту формацию. В XV и XIII главах «Капитала» он показал значение живого труда, логику его развития и роль его в движении техники. Странным представляется, что в наших многочисленных учебниках по истмату и более чем в других в книге тов. Бухарина эти главы «Капитала» «Разделение труда и мануфактура», «Машины и крупная промышленность» остаются забытыми. Нам остается только воспроизвести диалектику труда, изложенную там Марксом.

Карета некогда являлась продуктом труда независимых друг от друга ремесленников. Сосредотачивая всех их в одной мастерской, мануфактура продолжает развивать способности каждого ремесленника, доводя специализацию, на выполнение определенного рода работ, до самой крайней степени. С другой стороны, мануфактура сосредотачивает в одном месте рабочих, выполняющих однородные работы (например: шорников), точно также специализируя их на выполнении ограниченного круга функций. Тело работника превращает в автомат, односторонне приспособленный к четко очерченному виду работы, и вследствие этого доходящего в исполнении такой работы до виртуозности. Совершенно очевидно, что на выполнение определенной специальной функции он тратит гораздо меньше времени, чем ремесленник, выполняющий ранее эту функцию в порядке перехода от других функ-

ций, входящих в круг его общей, нерасчлененной на частичные процессы работы. Если ремесленник при этом переходе должен менять инструменты и место, стало-быть терять определенную часть рабочего времени, то рабочий мануфактуры, не нуждающийся в перемене инструментов и места, работающий все время одним и тем же орудием, достигает большей насыщенности рабочего дня и быстрее выполняет частичную работу.

«...С того момента, когда различные операции данного процесса труда обособлились друг от друга, при чем каждая частичная операция, в руках частичного рабочего, приняла возможно более совершенную, а, следовательно, и исключительную форму,—с этого момента возникает необходимость изменения в орудиях труда, служивших ранее для различных целей. **Направление этого изменения формы выясняется на опыте, который показывает, какие именно особые трудности представляет пользование орудиями в их неизменившейся форме»** (Маркс, «Капитал», стр. 256, подчеркнуто нами—В. К.).

Изменение труда обуславливает диференциацию орудий труда применительно к потребностям каждой данной частичной работы. На ряду с этим рабочий, выполняющий частичную работу, всестороннее и быстрее совершенствует орудия труда, которыми он работает систематически, без перерыва. Процесс труда сам показывает ему путь этих изменений. Как правило, изменение направляется в сторону повышения автоматизма в выполнении частичной и специальной работы. «Мануфактурный период упрощает, улучшает и множает рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным обособленным функциям частичных работ. **Тем са-**

мым он создает материальные предпосылки машины...» (Там же, стр. 256—257, подчеркнуто нами— В. К.).

Чтобы достигнуть своего завершения, продукт должен пробежать несколько фаз производства. Строгая точность в выполнении частичных работ и, следовательно, аккуратное завершение каждой данной фазы процесса производства создает условия для того, чтобы последовательное расположение **во времени** отдельных стадий процесса производства превратить и в их «пространственное расположение друг возле друга». Одна операция, следующая за другой, производится тут же, рядом. Этим усиливается рост кооперации. Будучи условием процесса производства, **кооперация расширяется вместе с развитием процесса труда.**

Специализация рабочего на выполнение частичной работы превращает его в автомат. Связь со всем механизмом производства, с частичными работами, следующими за работой, выполняемой им, заставляет рабочего завершать эту свою работу в определенный срок, т. е. «вынуждает действовать с регулярностью отдельной части машины».

Г-н Маршалл, управляющий одной из стекольных мануфактур, которого Маркс цитирует в «Капитале», выразил эту мысль весьма просто и ясно: «Они не могут пренебречь своим делом, сказал он, отвечая на вопрос, чем можно поддержать интенсивность труда подростков—раз они начали, они должны продолжать; они представляют как бы части одной и той же машины». **Элементы технического единства** производства, столь характерное для крупной машинной промышленности, **следовательно, создается процессом труда, до появления машины, еще при мануфактуре.**

Диференцируются и отвердевают в строго отлитой форме также и **свойства самой рабочей силы.** Если один рабочий развивает в отправлении своей частичной работы больше силы, другой в выполнении другой работы развивает ловкость, третий внимательность и т. д. **Возрастает производительная сила труда, опять-таки на основе его самодвижения.**

Односторонняя специализация требует несомненно меньше издержек на обучение рабочего, чем это требовалось раньше, при обучении ремесленника к отправлению разносторонних функций. **Понижается стоимость рабочей силы, на ряду с ростом ее производительных способностей.** Наконец, из самой системы «организации труда» вытекает необходимость концентрации средств производства. А в свою концентрацию средств производства усиливает в размах темп концентрации рабочей силы в одном месте, подготовляя все элементы крупнейшего машинного производства.

Капитал приобретает и сосредотачивает на своей стороне умение организовать и вести все виды работ,—науку, противопоставляя ее рабочим, как порабощающую их силу. **Рабочий** опускается до исполнения примитивных и частичных работ, все более **теряя способность к разностороннему совершенству в процессе труда.**

«Мануфактурное разделение труда, путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм, создает качественное расчленение, а количественную пропорциональность между отдельными процессами общественного производства создает определенную организацию труда

и вместе с тем развивает новую общественную производительную силу труда.

«Она не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем изуродывания индивидуального рабочего» (Маркс «Капитал» т. 1, стр. 276).

Если, таким образом, развитие труда в условиях мануфактуры означает собой огромный рост производительных сил, образование непосредственных предпосылок для перехода к машине, то, с другой стороны, диалектика процесса труда, благодаря специфической капиталистической формы, в которой протекает процесс труда и создание которой он собой исторически обуславливает, приводит к тому, что рост производительных сил создает угрозу существованию самой субстанции труда, рабочему.

Узкий технический базис мануфактуры мог совершенствоваться стихийным ходом труда лишь до известного предела На определенной ступени развития потребовалась глубокая революция во всем техническом фундаменте производства, переход к машине. Как уже сказано, к этому подвел сам процесс труда.

Маркс не случайно указывает на то, что промышленная революция XVIII века началась «с исполнительного механизма», «с собственно рабочей машины». Не случайно Маркс подчеркивает и то обстоятельство, что эта часть машины есть в измененной форме все те же аппараты и орудия труда, которыми работал мануфактурный рабочий. Эти указания **Маркса** имеют тот смысл, что он **устанавливает непосредственную связь и преемственность между воздействием труда на инструменты и**

орудия, имевшим места до промышленной революции и самой этой революции, резюмирующей все указанные воздействия.

Лишь впоследствии промышленная революция захватила и двигательный механизм машины и трансмиссии. Первоначально же она шла по линии превращения частичных орудий различного рода рабочих в орудия различных машин по линии их сочетания. Изменилась и роль рабочих по отношению к этим инструментам и орудиям. комбинированным в машине.

«Выступая в виде машины, средства труда приобретают такую материальную форму существования, которая обусловливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов сознательным применением естествознания».

«Орудие... не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству **в орудие созданного человеком** механизма» (Маркс. Подчеркнуто нами—В. К.).

Марксова постановка вопроса не оставляет никаких сомнений насчет действительных причин перехода к машине. **Этой действительной причиной является сам труд.** Уничтожая узкую техническую основу мануфактурного производства, он создал машинную основу, в связи с чем в корне изменилась и структура его отношений к орудиям труда.

На место руки выступил двигатель. Но совершенно прав Энгельс, когда он, даже на самой высокой ступени развития техники, на первый план все же выдвигает труд. Выходит, что даже тогда, когда живой труд во всех его проявлениях приобретает все более **контролирующие** функции, даже в это

время технический под'ем прямо зависит от способности труда выполнять свои контролирующие функции. Впрочем, надо заметить, что **построение коммунистического общества,** в частности уничтожение противоположности между трудом умственным и трудом физическим, **сделает особенно очевидным определяющее воздействие труда на развитие производительных сил.**

Переход от мануфактуры к машине и создание крупной капиталистической промышленности не уменьшает, а увеличивает уродование рабочего. Это неслыханное усиление хищнического отношения к живому труду составляет одно из коренных противоречий развития производительных сил **при капитализме.** Тот, кто знаком с литературой марксизма, легко вспомнит, наверное, помимо рассматриваемых нами соответствующих мест «Капитала», строки из «Анти-Дюринга» (отдел «Социализма»), где Энгельс оценивает хищническое отношение к живому труду, как закон капиталистического развития.

Будучи величайшим орудием борьбы человечества с природой, машина, благодаря своему капиталистическому применению, становится орудием порабощения рабочего, его истязания и увечья. Машина--собственный продукт рабочего--превращается в руках капиталиста в средство систематического понижения жизненного уровня пролетариата. Она вытесняет рабочего из производства, создает условия для замены труда взрослых трудом малолетних и обуславливает образование промышленной резервной армии.

Непосредственно, на производстве, рабочий, с введением машины, в гораздо большей степени, чем

раньше, становится автоматом для производства прибавочной стоимости.

В погоне за полным использованием машины, капиталист непрерывно удлиняет рабочий день, компенсируя этим удлинением относительное сокращение числа рабочих.

Он так «интенсифицирует» труд, что все больше калечит рабочего. Увеличивается скорость машины и расширяется поле деятельности рабочего, т. е. вырастает число механизмов, находящихся под контролем одного и того же рабочего. Выжать в течение данного времени максимальное возрастающее количество труда—вот пароль капитализма. Рабочие пожизненно присоединяются как органы к машине, к автомату.

Прямым следствием каторжного, однообразного труда, казарменной дисциплины, произвола, безнаказанности капиталиста, гигантского роста эксплоатации и не менее гигантского сокращения времени, необходимого на воспроизводство рабочей силы—является угроза одичания и вырождения пролетариата. Рано или поздно это ставит предел развитию производительных сил и опасность вырождения их решающего элемента—носителей рабочей силы, создает угрозу самому существованию общества. Борьба рабочего класса против капиталистического применения машин есть борьба за развитие производительных сил, борьба за создание условий, вполне обеспечивающих регулирующие воздействия на технику живого труда, борьба за то чтобы наиболее полным образом использовать труд и поставить разумнее, шире, выгоднее, продуктивнее борьбу против природы, ее использование и ее переделку в интересах человека.

Марксово положение о том, что социальная революция выражает конфликт производительных сил и производственных отношений в применении к капитализму, имеет глубочайший смысл именно потому, что это положение предполагает не борьбу мертвых элементов производительных сил, в роде техники, против буржуазных производственных отношений, а борьбу рабочего класса, образующего голову производительных сил, против класса капиталистов, стоящих на-страже буржуазных имущественных отношений, класса, закрепляющего, узаконяющего и защищающего капиталистическое применение машины, хищническое отношение к труду и задерживающего под'ем производительных сил. Точно также положение Маркса о том, что из всех орудий производства самой крупной производительной силой яляется революционный класс, потому и имеет применительно к пролетариату исключительный по своей глубине смысл, что в нем заключено указание на беспримерно-огромное значение для развития производительных сил рабочего класса, порывающего буржуазные отношения производства. Уничтожая частную собственность на средства производства, добиваясь социалистической плановой организации всего производственного процесса, рабочий класс создает предпосылки для того, чтобы развернуть потенции всего живого труда, подчинить ему технику, вооружить его естественными науками, несказанно усилить степень воздействия на природу и темп развития производительных сил.

При капитализме рабочий класс лишен возможности сочетать различные элементы производственных сил и использовать их развитие в интересах огромного большинства общества. Напротив

того, это развитие идет против **повседневных** интересов большинства людей. Разрывая рамки капиталистических отношений производства, пролетариат добивается этого сочетания, или плановой организации хозяйства в широчайших масштабах. И на базе правильного сочетания различных элементов ускоряется темп, развития производительных сил.

Какие же выводы следуют из всего того, что сказано нами о роли труда в развитии производительных сил? Попытаемся формулировать эти выводы.

При рассмотрении производительных сил и причин их развития мы должны брать диалектику процессов труда. А так как эти процессы немыслимы вне рамок определенной общественной формы, то само собой разумеется, что мы должны при рассмотрении процессов труда, внимательно изучить значение той или иной общественной формы для развития труда и его воздействия на весь ход развития производительных сил.

Живой труд в системе определенных производственных отношений—вот что должно быть рассмотрено прежде всего, когда мы приступаем к изучению причин развития производительных сил.

Значение общественной формы надлежит подчеркнуть сейчас со всей силой. Если верно, что диалектика процессов труда создает предпосылки для образования той или иной общественной формы, то также верно, что сама общественная форма является средством могучего воздействия на характер процессов труда, на самый труд во всех отношениях. Общественная форма либо ограничивает определяющее воздействие труда на развитие производительных сил, либо развязывает это воздействие. Чтобы оттенить эту сторону, мы специально остановились на характеристике капиталисти-

ческой формы производства, очертив структуру отношений между техникой и живым трудом, созданную капитализмом. Низводя на-нет определяющую роль труда и усиливая воспроизводство условий для вырождения рабочего класса—субстанции труда, капиталистической способ производства делает в конце концов невозможным развитие производительных сил вообще, поскольку сохраняется частный характер присвоения. Интересам этого присвоения подчиняется все движение производства и им же оно разрушается.

Нам нечего сейчас подробно повторяться насчет того, что чрез все преграды и ограничения труд прокладывает себе дорогу, опрокидывая и размывая буржуазную форму производства.

Борьба классов и в этом случае как раз выражает диалектику развития производительных сил.

Таковы итоги.

Конечно, найдутся «умники», хотя их не сеют и не жнут, которые начнут утомительно вопрошать: почему мы не говорили о влиянии надстроек на базис? Разве можно, спросят наверное они, обойтись без этого при рассмотрении столь важного вопроса? Тем самым они обнаружат «глубину» собственного понимания задачи, поставленной нами.

Влияние всего общественного механизма на развитие производительных сил общеизвестно. Но наша задача состояла не в том, чтобы рассматривать всю совокупность этого влияния. Наша задача сводилась к тому, чтобы показать несостоятельность выдвинутого тов. **Бухариным** положения о том, будто техника определяет собой развитие производительных сил и указать на действительную, основную решающую причину этого развития—труд. Заодно с этим вскрывается и то, до какой

степени серьезно ошибается тов. Бухарин, отожествляя производительные силы и технику.

В заметках Ленина на книгу тов. **Бухарина** «Экономика переходного периода» имеются на эту тему весьма любопытные места. Везде, где т. Бухарин отожествляет производительные силы и технику, Ленин делает свои критические замечания. Так, тов. Бухарин пишет: «категория производительных сил является категорией неэкономической, а технической». Ленин замечает—«сообразности как раз не вышло». Над другим местом, где тов. Бухарин говорит: «если нам нужно социологическое определение производительных сил, мы можем взять техническую основу общества, активный, переменный фактор общественного развития. Ленин просто смеется (на полях пометка «ха-ха»). Ленин особо отмечает, что тов. **Бухарин** забывает положение Маркса, что революционный класс является самой крупной производительной силой.

Техника—продукт стихийного развития труда. Труд создает технику; опираясь на нее, он развивает свои способности, опять и опять подытоживая собственное самодвижение в развитии техники.

Если быть точным, надо сказать, что тов. Бухарин не изучает законов общественной жизни, а ограничивает круг своих задач перечислением наиболее общих из них. После того, как установлена номенклатура общих законов, тов. Бухарин считает исчерпанными свои «научные задачи». Законы общественной жизни открыты, перечислены, «об'яснены». Между тем такое перечисление наиболее общих законов дает для познания главнейших черт и особенностей общественного развития ни чуть не больше, чем «социологические» выверты блаженной памяти Михайловского на тему «Что

такое общество?», «Что такое прогресс?» и т. д. Создание «вечных истин» об обществе ничего, кроме осмеяния, заслужить не может.

Так называемые общие законы есть абстракция. Их проявление всегда отмечается конкретным своеобразием. Поэтому то, что мы при помощи мышления группируем в понятии «общих законов», в действительности, на различных ступенях общественного развития, имеет крайне выраженный индивидуальный облик, являет собой нечто особенное. Бесспорно, что закон, по которому общественный способ производства определяет собой весь процесс развития общества—является законом всей человеческой истории, но в различные эпохи этот закон облекается различным содержанием, различной материей и, вследствие этого, необходимо раскрывает свое действие в своеобразной форме.

На основе действия общих законов нарождаются и приобретают роль регулятора общественной жизни ряд **новых** закономерностей, свойственных только данной, исторически-определенной ступени изводства. Ответить на вопрос о том, **что** представреализуются общие законы на той или иной ступени в развитии общества, можно лишь на основе изучения того, каким образом на этой ступени оформляется «общественная материя», т. е. на основе изучения уровня и форм общественного производства. Ответить на вопрос о том,**что** представляет из себя данная, рассматриваемая нами ступень, можно лишь на основе познания (кроме форм проявления общих законов) новых специфических законов, характеризующих эту ступень.

Тов. **Бухарин** чуждается познания конкретного проявления общих законов и всей совокупности специфических закономерностей, присущих всякой

исторически-определенной форме производства. Понятно, что оперируя общими законами, без внимания к тем конкретным очертаниям, которые они приобретают на различных ступенях общественного развития и отказываясь от познания специфических законов той или иной формации, тов. **Бухарин** вынужден жонглировать тощими соображениями о законах «вообще», повторять общие места и пребывать в гораздо более невыгодном положении, чем его теоретические соратники—механисты. Они, как известно, ухитрились найти универсальную отмычку ко всем «вратам храма науки». Эту роль у механистов должен был выполнять закон сохранения энергии. Исходя из него, они хотели об'яснить все и все свести к этому закону. Тов. **Бухарин** также вынужден все сводить к общим законам, погашая в явлениях черты своеобразия и единичности.

Законы тов. **Бухарина** одинаковы для всх времен и народов. Законы, действовавшие вчера, действуют сегодня и будут действовать завтра. Они управляют общественной жизнью «и ныне и присно и во веки веков».

Таков «угол зрения» тов. **Бухарина.** Его «наука» **не видит изменения и развития во времени.** Она **не идет за этим развитием.** «Наука» тов. **Бухарина** неисторична, следовательно, она не удовлетворяет одному из коренных требований диалектики.

В знаменитом послесловии к 1 тому «Капитала» Маркс цитирует следующую характеристику своего метода, описанного в петербургском «Вестнике Европы».

«...Общих законов для него (для Маркса.—В.К.) не существует. По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы... Но как

только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами».

Маркс признает правильной такую характеристику своего метода.

Но что это означает?

Это означает, что наше познание общества должно быть конкретным. Мы обязаны брать и изучать специально каждую форму общества, являющуюся особым, исторически-неповторяемым и производственным организмом. Только в этом случае будут поняты и характер проявления общих законов и специфические законы, **впервые** определившиеся на основе собственного роста данной формы.

Познание общества в конкретности потому и является единственно научным познанием, что оно схватывает все изменения, сдвиги, повороты, происходящие в общественной жизни или, что одно и то же, схватывает диалектику развития общества. Познание идет за развитием. Диалектика об'ективных процессов обуславливает диалектику человеческого знания.

Жонглирование же общими законами низводит знание до уровня схоластики и лишает возможности понять как различие эпох между собой, так и богатство содержания каждой эпохи.

Важнейшие из определений тов. **Бухарина** выдержаны в духе самой откровенной схоластики. Это—истины «в последней инстанции».

Общество—система взаимодействий.

Природа—среда для общества.

Производственные отношения—трудовая координация людей, **рассматриваемых** как живые машины, в пространстве и времени. (См. «Атака», стр. 121).

Конечно, в обществе имеются взаимодействия. Но взаимодействие есть везде, где есть движение. Движение же вечно, вечно и взаимодействие.

Конечно, природа есть среда для общества. Несмотря на односторонность этого положения, оно выражает известную правду. Но природа есть среда для всех видов животных и растений.

Конечно, люди существуют во времени и пространстве. Но кто же или что же существует вне времени и пространства? Определять людей через машины (люди—живые машины) значит оставлять непознанным **общественного** человека, как нечто своеобразное, нечто особенное. «Живой машиной», если у вас имеется большая страсть к фигуральным выражениям, вы можете назвать и лошадь, и корову, и барана, и осла, и многих других менее «популярных» животных. Правда, между иными из наших собратьев и ослами существует весьма скромная дистанция. Гейне даже писал, что всякий раз, когда он начинает говорить об ослах, ему немедленно вспоминаются гетингенские профессора юриспруденции. Разумеется, и в наше время «по ассоциации» можно вспомнить не мало профессоров с различными и даже весьма модными прилагательными. Однако, отказаться на этом основании от различных животных и людей, было бы греховной гиперболой, преувеличением.

Определения тов. **Бухарина** всегда рассчитаны на то, чтобы одним махом об'яснить историю общества от ее ранних ступеней до настоящего времени. Это и говорит о том, что он не видит **развития.** Сначала изобретаются «общие законы», потом под эти законы подгоняется вся общественная жизнь. А то, что не вмещается в рамки общих законов, остается вне рамок «науки». Тощие пустые, односто-

ронние «формулы» образуют содержание «науки», то же, чего не умеют познать и что должно дать науке действительно богатое содержание, на самом деле остается без внимания.

Марксизм выработал понятие общественно-экономической формации. Каждая такая формация и есть общество, находящееся на определенной ступени развития и являющееся поэтому вполне конкретным. Общества «вообще» не существует. Существовали определенные, конкретные типы общества: (азиатское, античное, феодальное и капиталистическое). Общества «вообще» есть абстракция от этих конкретных типов. Но прежде чем абстрагировать, надо знать от чего абстрагироваться. Надо изучить эти различные общественно-экономические формации и выяснить законы, свойственные каждой из них. Законы, их существования так же мало общи между собой, как глубоко различны. И в этом различии они должны быть познаны.

Понятие общественно-экономической формации есть исходный пункт познания общества в его конкретности.

Выделяя совокупность данных производственных отношений в особую общественно-экономическую формацию, мы создаем условия для действительно серьезного, глубокого и всестороннего познания общества в его самодвижении.

Прежде всего мы имеем возможность выяснить чем **эта** общественно-экономическая формация отличается от **какой-нибудь другой** формации. Стало быть, мы до конца познаем специфичность данных производственных отношений, своеобразие их возникновения, развития, исчезновения, характер противоречий между производительными силами и производственными отношениями, степень обост-

рония и особенности классовой борьбы, роль различных классов в экономическом развитии общества, в борьбе за образование данной формации, в ее развитии, в подготовке условий для ее гибели, в процессе ее уничтожения и замене другой формацией и т. д. Все это и составляет настоящий предмет теории исторического материализма. Не очевидно ли, что исторический материализм справится со своими задачами лишь в том случае, если он поставит во главу угла конкретное изучение конкретных ступеней человеческой истории, если он не ограничится отысканием «общих законов» и если мы не будем ублажать себя **«плоскостью логического»** рассмотрения, как удачно, но разумеется бессознательно, подсмеивается над своими приемами тов. **Бухарин.** Эта «плоскость логического рассмотрения» часто завлекает тов. **Бухарина** в сети суб'ективизма. Когда он говорит, например, что производственные отношения есть трудовая координация людей, **рассматриваемых** как живые машины, он, желая «перематериалистичить» всех материалистов, на деле попадает в идеализм. Материалисту-диалектику важно не то, чем являются люди, **рассматриваемые кем-то,** а что они есть об'ективно, независимо от того, как изволили «взглянуть» на них мы с тов. **Бухариным.** Мы уже не говорим про то, что назвать производственные отношения «трудовой координацией людей» значит ровно ничего не об'яснить. Координация, сочетание, соподчинение—все эти термины не говорят нам о том, чем являются производственные отношения.

Возвратимся к вопросу об общественно-экономической формации.

Выделяя каждую такую формацию, мы, как указывалось выше, должны ее всесторонне изу-

чить. Особое внимание мы обязаны при этом уделить классам, выяснению их роли и их борьбы. Ленин был совершенно прав, когда в заметках на «Экономику переходного периода» указывал на то, что понятия «социальная система, общественная формация,—все это недостаточно конкретно без понятия классов и классового общества». Теория исторического материализма должна показать механизм борьбы классов в рамках каждой формации, найти тот класс, который возглавляет развитие формации, указать опорные точки для перехода к другой форме общества, выделить класс, могущий возглавить этот переход, обрисовать своеобразие всякого такого перехода, а не шаблонизировать его и не подгонять под одну якобы общую всем переходам схему. Бухаринская теория фаз пролетарской революции, между прочим, имеет именно этот порок. Это—снимок с фаз развития буржуазной революции, механически переносимым на развитие пролетарской революции.

Но мало этого. Теория исторического материализма есть теория рабочего класса. Она поэтому должна обрисовать задачи, наметить пути и средства перехода от капиталистической формации к социалистической. Она насквозь—партийная теория и не может скрывать этой своей партийности.

Изучая исторически-конкретный общественный способ производства, раскрывая законы перехода одной общественной формы в другую, подчеркивая роль различных классов в этом переходе, доказывая необходимость смены класса, стоящего во главе определенных хозяйственных прогрессов и определяющего их содержания новым классом,—материалист-диалектик должен доказать, почему пролетариат, а не какой-либо другой класс, встает сей-

час в нашу эпоху во главе перехода от буржуазного общества к коммунизму.

Сосредоточиваясь на изучении каждой общественно-экономической формации, мы познаем общество таким, каким рисовал его Маркс: конкретным обществом со всем его существенным содержанием, тогда как тов. **Бухарин** изучает лишь абстракции об обществе, а не само общество.

«...Путем абстракции мы всякую вещь превращаем в логическую категорию... Стоит только абстрагировать от отличительных свойств каждого отдельного вида движения, чтобы притти к абстрактному движению, к чисто-формальному движению, в чисто-логической формуле движения. Кто с'умел отыскать сущность всех вещей в логических категориях, тот уже естественно воображает, что в логической формуле движения удалось отыскать и тот абсолютный метод, которым не только об'ясняются все вещи, но и об'емлется движение вещей» (Маркс, «Нищета философии», стр. 12). У тов. **Бухарина** получается нечто в этом роде. Общество и об'ясняется и об'емлется, с его точки зрения, т. н. «общими законами».

Мы уже говорили, что материалистическая диалектика рассматривает всякое единство, как единство противоречивых сторон, направлений и тенденций, данных об'ективно, процессом самодвижения того или иного явления.

Это положение материалистической диалектики является до такой степени важным, что всякое непоследовательное отношение к его признанию, а еще более, пренебрежение им, означает заведомый отказ от подлинного научного рассмотрения явлений.

Закон единства, противоположностей, взаимного проникновения и перехода их друг в друга, их борьбы, есть основной закон диалектики. Естественно, что правильное понимание этого закона имеет исключительное методологическое значение.

Основным признаком этого правильного понимания закона единства и противоположности является несомненно умение вскрыть природу тех или иных противоречий, закономерности их появления и роста.

«Все где-либо существующее есть некое конкретное и, следовательно, некое внутри самого себя различное и противоположное....

... Противоречие—вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречием нельзя мыслить». (Гегель, соч. том 1, стр. 206).

Противоречия—корень жизни. И их борьба есть пружина самодвижения всех явлений. Но противоречия нельзя выдумать и нельзя привнесть в явлении извне, они вырастают внутри каждого явления, на их собственной основе и представляют собой главный показатель жизненности явлений. Характер противоречий может изменяться, одни из них переходить в другие, в третьи и т. д., но само наличие противоречий является решающим, что характеризует каждую вещь. Каждая вещь есть единство противоположностей. Гегель гениально выразил эту мысль простым и доныне непровзойденным примером, указав на единство жизни и смерти. Нет смерти там, где нет жизни и нет жизни—без смерти. Борьба против тенденций смерти и, в пределах определенного времени, предоление этих тенденций составляет существенную сторону жизненного процесса. И в мертвых элементах природы борьба против возникающих тенденций перехода

к живому также, повидимому, является существенной стороной. До тех пор, пока из мертвой материи возникли органические элементы, было уничтожено бесчисленное количество попыток к такому переходу.

Процесс развития органического тела подготовляет собственную смерть тем, что достигает своей полноты. Живое превращается в мертвое. Однако, на определенной ступени развития природы необходимо совершается переход от мертвого к живому.

Тут нет места движению, живого в одну сторону, мертвого—в другую. Каждый из них переходит в другое через непрерывную борьбу с этим другим. Явлений подобного рода нетрудно найти сколько угодно и в природе и в обществе.

Возьмите, например, химический процесс. Анализ идет здесь рядом с синтезом. Синтез—рядом с анализом. При сжигании угля в воздухе, воздух распадается на составные элементы благодаря соединению угля с кислородом. Процесс сжигания является таким образом и процессом соединения элементов и процессом распада.

Внутренняя противоречивость явлений природы выступает в форме неразрывности двух, друг другу противоположных, процессов. Там, где имеет место один процесс, одновременно протекает другой, прямо противоположный ему, и как раз потому, что имеет место первый процесс.

И в человеческой истории и в истории развития общества противоречивые друг другу процессы характеризуются неразрывностью.

«Всякое новое изобретение, позволяющее производить в один час то, что производилось прежде в 2 часа, обесценивает все однородные продукты, имеющиеся на рынке. Конкуренция вынуждает

производителя продавать продукт двух часов не дороже продукта одного часа. Она реализирует закон, по которому относительно стоимости продукта определяется рабочим временем, необходимым на его производство. **Тот факт, что рабочее время служит мерилом меновой стоимости, становится таким образом законом постоянного обесценивания труда»** (Маркс. «Нищета философии», стр. 62. Курсив наш, В. К.).

Превращение прибавочной стоимости в капитал, накопление ради накопления является законом капиталистического накопления и мотивом расширения производства. Лишь тогда достигает своей полноты развитие буржуазных отношений производства, когда широчайшим образом раскрывается действие этого закона, в силу которго отдельный капиталист непрерывно раздвигает рамки свой хозяйственной деятельности. Но широкое действие этого закона означает все большую концентрацию капитала в руках немногих, что является созданием материальных предпосылок для победы социализма. Воспроизводство капиталистических отношений на все более широкой основе означает воспроизводство условий его гибели.

Конкуренция подготовляет переход к монополии и обуславливает этот переход. Монополия является противоположностью конкуренции. Но достигая монополистической стадии, капитализм превращает конкуренцию во всеобщий закон собственного существования, все шире и глубже захватывая и отношения внутри страны и вне ее.

Отделение производителя от средств производства и эксплоатация наемной рабочей силы—основа развитий капиталистического способа производства. Воспроизводство этого процесса во все более

широких масштабах является выражением закономерного развития капитализма, характеризует его нормальный ход, его полнокровие.

Но вместе с тем это представляет собой воспроизводство предпосылок гибели капитализма, создание и тренировку пролетариата—класса, выступающего в качестве организатора социалистических форм хозяйств.

Все эти примеры подтверждают ту мысль, что «сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в одну новую категорию составляет сущность диалектического движения. Если вы ограничиваетесь лишь тем, что ставите себе задачу устранения дурной стороны, то вы разом кладете конец всему диалектическому движению. Вы имеете дело уже не с категорией, которая ставит себя и противопоставляется сама себе в силу своей противоречивой природы» («Нищета философии», стр. 95).

Из всех этих примеров следует также, что противоречия внутренне присуще каждому явлению, что эти противоречия есть продукт роста и развития самого явления и что борьба этих противоречий составляет содержание процесса развития каждого явления. В силу развития и борьбы противоречий совершается не просто количественная перегруппировка элементов внутри явления, но и качественные изменения каждого из явлений.

Бухаринское понимание противоречий и их борьбы принципиально отличается от нашего понимания. Он говорит не о борьбе противоречий, вырастающих внутри явлений, неразрывных друг с другом и внутренне-присущих всякому явлению. Он говорит о противоположности чуждых, внешних друг

другу сил, периодически сталкивающихся друг с другом.

«В мире существуют, говорит он, различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторый момент.

... Но стоит только измениться одной из них, как сейчас же «внутреннее противоречие» обнаруживается, происходит нарушение равновесия и, если на момент установится новое равновесие, то оно установится на новой основе, т. е. при другом сочетании сил и т. д.

Что-же отсюда следует? А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия», **т. е. антогонизм различно направленных сил и обуславливают движение».** («Теория исторического материализма», стр. 77»).

«Различно действующие силы берутся» тов. Бухариным как нечто заранее данное, как нечто изначально существующего в мире. Эти силы извне проникают в явления, сталкиваются внутри их, или с ними, чем и определяется движение. Ни тени попытки понять противоречия как закономерный результат самодвижения явлений, ни тени попытки найти противоречия внутри самих явлений, ни тени попытки выяснить специфический характер противоречий, нарастающих в каждом данном явлении.

«Различно действующие силы», оказывается, сталкиваются периодически. Вместо постоянной борьбы противоречий бухаринская система «противоречий» «упорядочивает» бытие таким путем, что навязывает ему покой, равновесие. Тов. Бухарин стыдливо признает, что противоречия, правда, всегда бывают, но они-де скрыты, недействующие. Под внутренними противоречиями он и понимает

эту скрытность противоречий, их бездейственность, в конце выхалащивая понятие «внутренних противоречий». Непрерывность противоречий и их борьбы подменяется периодическими столкновениями сил, направленных в разные стороны. Не умея проследить как еле ощутимые различия превращаются в противоположности, тов. Бухарин совсем отказывается от познания развития внутренних противоречий. Он говорит, собственно, не о тех противоречиях, исследование которых составляет предмет материалистической диалетики—не о противоречиях, развивающихся в недрах самого явления, на его собственной основе, имманентных ему, непревнесенных извне, не переданных ему через несколько звеньев предшествующим развитием. Он говорит о столкновении сил, существующих независимо друг от друга, развившихся и развивающихся параллельно одна другой. Противоречие у него понимается чисто механически, как столкновение сил, находящихся в различных местах и сталкивающихся между собой на одном из перепутий в движении природы.

В полном соответствии с таким пониманием «системы противоречий» общество, по определению тов. Бухарина, выглядит ни более, ни менее как суммой расщепленных, различно-действующих сил, время от времени стакливающихся между собой, а до момента этого столкновения совершающие свое движение каждое по особой орбите, в особом направлении.

На самом же деле процесс развития общества, следовательно, и переход его из одной формы в другую есть результат взаимных связей, отношений, влияний, короче, резюме борьбы всей совокупности противоречий, свойственных данной, конкретной

форме общества. У тов. Бухарина нарушение равновесия вызывается количественными изменениями одной из сил. У нас развитие общества знаменует собой изменение качества связей и отношений, характерных предшествующей ступени общественного развития, снятием свойственных ей специфических противоречий.

Тов. Бухарин справедливо ставит в ковычки слово «противоречие» и называет свою диалектику антогонизмом сил. Это есть именно антогонизм—периодическое столкновение сил, чуждых друг другу, а не диалектическое противоречие. Между противоречиями, о которых трактует диалектика, и антогонизмом сил существует глубокое принципиальное различие.

Замечательно, что в пометках на полях бухаринской книги: «Экономика переходного периода», против соответствующего места расуждений тов. Бухарина, Ленин специально написал: «архинеточно. Антогонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме».

С этим пресловутом антогонизмом сил, в свое время, носился Дюринг. В нашей русской литературе за признание антогонизма сил основным свойством, бытия усиленно хлопотал А. А. Богданов. Ныне тов. Бухарин счел нужным повторить этих писателей.

***

Тов. Бухарин ошибается не первый раз. Он ошибался до революции. Ошибается он и после революции почти на всех сколько-нибудь крутых поворотах нашего развития.

Ошибался тов. Бухарин в 1918 году во время Бреста, когда был вождем целой фракции левых коммунистов. Он ошибался в 1921 году в дисскуссии о профсоюзах, будучи соратником Троцкого. Ошибался тов. Бухарин и в 1925 году непосредственно перед XIV с'ездом партии. 1928—1929 год. Новая ступень его ошибок. Не может быть такого положения, чтобы все эти ошибки тов. Бухарина не имели общей основы в его теоретических взглядах. Существует и не может не существовать методология бухаринских ошибок. Между практикой и теорией тов. Бухарина есть определенная связь. На характеристике этой связи мы и намерены сейчас остановиться.

Недооценка роли труда в развитии производительных сил, непонимание той колоссальнейшей роли, которую играет в этом развитии рабочий класс, неумение уяснить значения марксового положения о том, что революционный класс является самой крупной производительной силой, составляет предпосылку непонимания тов. Бухариным некоторых из основных черт текущей исторической полосы.

Рассуждая по тов. Бухарину, мы должны были притти к такому выводу: если не произошло глубокого технического переворота, то у нас нет оснований говорит об изменении и равновесии внутри общества, об изменении соотношения между различными отраслями хозяйства, между различными классами и об изменении потребностей самих этих классов. Всякие изменения внутри общества,—в его строении, в системе отношений между классами, в темпах движения общества, тов. Бухарин ставит в зависимость от переворота в технике. Сначала тех-

ника, а потом все остальное. Это и есть техницизм самого худшего вида.

Из непонимания роли труда в развитии производительных сил в движении общества у тов. Бухарина вытекает непонимание роли масс в историческом развитии, в частности непонимание роли массового движения в текущий период.

Тов. Бухарин ставит вещи на голову. В плане его рассуждений об основных закономерностей общественного развития, в качестве величины, определяющей движение выступают не люди, а предметы, не живой труд, а система орудий труда.

Верно, что в условиях капитализма, благодаря специфичности капиталистического способа производства, рабочие становятся придатком машины, теряя над ней власть и всецело подчиняясь ей. Но также верно, что рабочий класс поднимается против капиталистического применения машины, против такой системы производственных отношений, при которой человек подчиняется вещи. Однако, тов. Бухарин превращает специфическую черту капитализма во всеобщий закон. Нет ничего неожиданного в том, что он постоянно видит только одну сторону процесса: с его точки зрения, только техника меняет людей, тогда как упор нужно делать на то, что люди меняют технику, при этом не люди вообще, а люди, занимающиеся непосредственным производством,—производители. Слов нет, уровень технического развития является условием исключительного значения, ибо он обеспечивает быстрый рост и переработку человеческого материала. Против этого общеизвестного положения нельзя спорить. Но надо спорить против намеренного игнорирования роли труда в развитии техники, надо добиваться ясного понимания того, что к изменению в техническом,

как и в экономическом строении общества подводит диалектика развития труда. Без ясного понимания этого положения нельзя и думать о возможности ясного понимания роли трудящихся масс в историческом процессе.

Непонимание роли масс особенно резко обозначилось у тов. Бухарина, как уже сказано, в тот момент, когда массовое движение в нашей стране, направленное на быстрое разрешение задач социалистического переустройство всего хозяйства, развернулось в небывалых масштабах. Именно в этот момент тов. Бухарин возвестил о своих сомнениях насчет возможностей быстрого темпа развития и мотивировал эти сомнения тем, что он не видит средств и сил, могущих удержать, а тем паче повысить этот темп. Как раз в тот момент, когда марксово положение о роли революционного класса в развитии производительных сил изо дня в день приобретало все большую и большую силу убедительности, как раз в этот момент тов. Бухарин не нашел ничего лучшего, как пройти мимо кричащих фактов живой жизни и размышлять по поводу того, где лежат источники быстрого темпа нашего развития.

Развертывание движения масс обеспечивает не только **более быстрый темп,** но и дает возможность **решить более широкий круг задач** чем прежде. Под'ем масс, втягивание их в процесс хозяйственного строительства, усиление их творческой воли, выдвижение к руководству хозяйством, контролю за ним, должны быть рассматриваемы поэтому и как предпосылка того, что мы можем поставить себе более широкие задачи,—усилить размах работы и, как условие быстрого темпа, выполнение всей этой работы.

Это массовое движение изменяет отношение миллионов и десятков миллионов людей к строительству социализма, активизирует их отношение. Тем самым облегчается создание социалистических форм хозяйства единовременно с двух концов: со стороны города и со стороны деревни.

Под'ем масс **ускоряет внедрение новой техники,** что опять-таки делает этот под'ем колоссальнейшим фактором развития.

Этот под'ем, далее, **сопровождается правильным использованием техники,** обилием поправок и изменений, вносимых в порядок применение и систему орудий труда, поправок и изменений, находимых в опыте труда. Изменяется и растет техника.

Совершается коренной перелом во взаимоотношениях между машиной и рабочим. Являясь коллективным хозяином машины, рабочий класс использует ее сообразно своим интересам.

Все это есть свидетельство того, какой неисчерпаемый источник возможностей для быстрого роста техники несет с собой под'ем масс и вовлечение их все более широкой волной в дело построения социализма. В свою очередь рост техники становится основой для еще более глубоких и еще более массовых преобразований ее миллионами социалистических работников.

Контроль за хозяйством и руководство хозяйством со стороны масс является одним из необходимых условий правильной организации и правильного ведения хозяйства. Это ли не предпосылка более быстрого темпа экономического развития?

При всех наших разговорах о значении массового под'ема надо иметь в виду, что этот под'ем является закономерным результатом развития пролетарской революции и, так сказать, заложен в самой

природе этой революции. Тот, кто признавая массовый под'ем, поражен его неожиданностью, совсем не неожиданно щеголяет собственным невежеством и непониманием важнейших черт пролетарской революции.

Возьмите буржуазную революцию и посмотрите на ту роль, которую играет в развитии этой революции широкие народные массы.

Роль народных низов в буржуазной революции кратковременна и преходяща. Чем ближе буржуазная революция подходит к решению своих исторических задач, тем меньше на поверхности активной общественной жизни остаются массы, подлинный народ, тем реже ощущается надобность в «низах», тем чаще и тем решительнее массы, сначала по частям, а затем полностью отсекаются от революции.

Народ, боготворимый буржуазией до тех пор, пока революция выкорчевывает корни феодализма и средневековья, по истечении определенного времени становится предметом травли и ненависти со стороны буржуазии, и новый государственный аппарат, руководимый классом капиталистов, начинает на этом народе тренировать свои способности, проверять действия насилия, способности бюрократии, армии, полиции и прочность тюрем.

Такой характер отношений между общественными низами и буржуазией об'ясняется тем, что в буржуазной революции эти низы призваны делать лишь отрицательную работу. Они призваны разрушать старые экономические отношения и старые учреждения. Положительную, творческую, строительную работу ведет сама буржуазия. Сама она укрепляет новые экономические и политические порядки. К этому буржуазия исторически призвана, как наиболее передовой и прогрессивный класс своей эпо-

хи. И как только буржуазия видит, что уже созданы необходимые условия для того, чтобы ей самой развернуть силу своих организаторских способностей, она быстро освобождается от своих недавних союзников, от масс, обращая против них материально-вещественный людской аппарат своего господства. Буржуазия отчетливо сознает, что господство капиталистических отношений останется непрочным, если хозяйственный, технический и государственный аппарат общества будет построен из того людского материала, который действовал в первой фазе революции, когда, по выражению Маркса, требовалось разбить в куски феодальную почву и скосить выросшие на ней феодальные головы.

Таким образом с прогрессом буржуазной революции, когда все яснее и отчетливее вырисовывается факт несомненного и окончательного крушения феодализма, свертывается массовая основа этой революции.

Отпадает надобность в массовых действиях, потому-что заканчивается разрушительная работа революции и круг лиц, «делающих историю», резко сокращается.

Совершенно иная роль выпадает на долю широких трудящихся масс в социалистической революции.

Опрокидывая прежнюю социально-классовую пирамиду, социалистическая революция выдвигает на передовые и самые важные позиции общественной жизни классы, занимающие при капитализме нижние ступени социальной лестницы.

Роль этих «низов» в пролетарской революции не исчерпывается одной разрушительной работой. Завершив разрушительную работу, широкие массы трудящихся направляют свои силы на решение по-

ложительных, строительных задач революции. Рабочий класс остается главной движущей и организующей силой, вождем всех трудящихся и на том этапе революции, когда развертывается работа по строительству нового общественного порядка. На этот этап пролетариат поднимает за собой все новые и новые слои из своей собственной среды и огромное большинство трудящихся и ранее эксплоатируемых масс, превращая их в активных участников социалистического строительства.

В социалистической революции нет разрыва между практикой масс в период разрушения старых и в период создания новых производственных отношений. И в том и в другом случае собственная практика масс находится в полном соответствии с их собственными интересами. И если в буржуазной революции процесс нормализации капитализма предполагал свертывание массового движения, то в социалистической революции развязывание творческих способностей широких масс, рост их участия в непосредственной созидательной работе является первым и самым главным условием, обеспечивающим и размах и быстрый темп социалистического строительства. Социалистическая революция идет к окончательной победе через процесс развертывания массового действия. С развертыванием социалистической революции ширится ее массовая основа, ускоряется темп продвижения вперед, и именно потому, что к активной общественной жизни поднимаются все новые и новые пласты общественных «низов», именно потому, что эти многочисленные пласты сами непрестанно начинают творить историю. Охватывая самые разнообразные каналы и ручейки общественной жизни, переделывая весь строй общественных отношений, привычки, свою

собственную природу, широкие массы трудящихся классов, образующие органический аппарат революции, направляют течение исторической реки в одно основное социалистическое русло.

Еще в 1918 году полемизируя с левыми коммунистами, с тов. Бухариным в их числе, Ленин предсказывал, что это развертывание массового движения приведет нас к небывало быстрым темпам развития. Он говорил тогда, вспоминая Пруссию эпохи национальных войн против Наполеона, что для быстрого темпа исторического движения в прежние эпохи не хватало именно участия масс. Тогда, говорит он, история двигалась медленно потому, что ее творили десятки и сотни тысяч. В 1922 году, в статье по поводу десятилетнего юбилея «Правды», Ленин говорит, что эти пережитые десять лет по богатству своего содержания равняются столетию, благодаря тому, что это были десять лет широчайшего массового движения. История теперь двигается быстро. И основная причина ускорения всемирно-исторического развития состоит в том, по мнению Ленина, что ныне историю делают сотни миллионов людей, захватывая и борьбой и движением шире и глубже во всех концах земли.

В речи на XI с'езда партии Ленин снова возвращается к этому вопросу и говорит, что если нам удастся сомкнуться с многомиллионной крестьянской массой, если мы сумеем вовлечь ее в активное строительство новой экономики, мы дождемся такого времени, когда наше движение к социализму будет до такой степени быстрым, что сейчас (т. е. в 22 году) мы даже не можем представить быстроты этого движения.

Это время наступило. В это великое время мы живем.

Роль широких трудящихся и раньше всего рабочих масс в нашей революции последовательно возрасатет, начиная с момента установления диктатуры пролетариата в октябре 1917 года.

Мы никогда бы не победили в гражданской войне, если бы не сумели поднять на защиту революции не только рабочий класс, но и самые широкие крестьянские массы. Столь же очевидно, что мы не сумели бы развернуть до таких масштабов социалистическое строительство теперь, если бы мы не опирались на творческий почин и инициативу широчайших масс рабочего класса и крестьянства.

Когда мы переходили к новой экономической политике, перед рабочим классом нашей страны стояла одна «решающая, все себе остальное подчиняющее, задача»: сомкнуться с крестьянской экономикой, с рядовым трудовым крестьянством, с тем, чтобы двигаться вперед все более плотной и все более широкой многомиллионной массой.

Прошедшие с тех пор, без малого, девять лет, доказали, что эту основную задачу продвижения к социализму всей массовой трудящихся мы разрешаем из года в год полнее, основательное, глубже.

Тов. Бухарин, занимавшийся изучением «принципиальных различий» между буржуазной революцией и революцией пролетарской и написавшей на эту тему целую брошюру, не заметил по «странной» случайности», различия роли широких масс в этих революциях. Зато он пространно, с прибаутками, описывал менее существенные подробности других различий. Да он и не мог понять во всей полноте роли масс в развитии пролетарской революции, ибо вся его «социология» покоится на изучении вещей. Эта «социология» проходит мимо роли труда, людей, масс и пренебрегает такими величинами.

Тов. Бухарин, несомненно «силен» в том отношении, что он умеет дать «ответ» на конкретно поставленный вопрос, посредством логического развития какой-нибудь общей истины. Этот способ весьма удобный, ибо он освобождает и теоретика и политика от необходимости разрешать определенный, вопрос на основе анализа всей совокупности конкретных условий. Но этот способ является, поистине, образцовым выражением схоластики, точно также составляющем «сильную» сторону бухаринской методологии.

Тов. Бухарин ставит вопросы «вообще», отвлеченно. Так он ставил вопросы теоретические; об обществе, об его отношении к природе, о производственных отношениях и т. д. Так же ставятся им и злободневные, теоретические и политические вопросы. Наиболее типичной в этом смысле является его постановка вопроса о возможности построения социализма в одной стране.

Тов. Бухарин был безусловно прав против троцкизма, доказывая возможность построения социализма в нашей стране. Но тов. Бухарин в своей постановке вопроса совершает ту серьезную ошибку, что он не связывает этой возможности с необходимостью быстрого и решительного преодоления капиталистических элементов внутри страны. Для него не существует ни вопроса о сроках, ни вопроса о темпах строительства социализма, ни вопроса о преодолении внутренних противоречий, преодоления, являющегося необходимым условием построения социализма.

Раз доказана абстрактная возможность построения социализма в нашей стране, то дело этого построения считается как-бы обеспеченным. Все ос-

тальные вопросы либо снимаются, либо предполагается, что они уже разрешены.

Под возможностью построения социализма тов. Бухарин понимал и понимает, так сказать, возможность бессрочного строительства, несопряженного с обостренной борьбой против буржуазных элементов внутри нашей страны. Он всерьез полагал, что мы можем двигаться медленным, черепашьим шагом к социалистическим порядкам, тогда как реально такого темпа построения социализма нам не дано, если мы желаем остаться на почве строго и всестороннего учета положения, если мы хотим исходить из всей совокупности и внутренних и международных условий, если мы не намерены убегать в сферу пустой мечты. Тов. Бухарин был глубоко убежден в том, что социализм нам дан в неизбежности, что он неотвратим, что дело социалистического строительства у нас не может быть дезорганизовано, сорвано, уничтожено **при всех** обстоятельствах, в том числе и при черепашьем темпе, ибо, по мнению тов. Бухарина, внутри страны не найдется сил, могущих дезорганизовать это строительство. Допуская возможность того, что дело построения социализма может быть сорвано вторжением на нашу территорию империалистических войск, интервенции, тов. Бухарин не понимал того, что даже с точки зрения внутренних отношений между различными хозяйственными укладами и различными классами, социализм заложен лишь в возможности, а не в абсолютной неизбежности. Возможность перестанет быть возможностью, претворяясь в действительность лишь в результате борьбы против сил внутренней, городской и деревенской буржуазии и в результате быстрого темпа переустройства на социалистических началах хозяйства всей страны. Борьба, и только борь-

ба, решит вопрос о том, станем ли мы вполне социалистической страной или нет? И эта борьба не есть удел многих поколений, она составляет содержание текущего исторического периода. Именно в течение этого периода решается вопрос о том: кто кого. Тов. Бухарин, как и все правые, следующие за ним, не мог осмыслить пробелы построения социализма в нашей стране под этим углом зрения.

Никто из них не в состоянии осмыслить значения проблемы темпов и проблемы классовой борьбы внутри страны.

Мы действительно можем вполне и бесповоротно победить, можем преодолеть все препятствия внутри страны, сломить все силы, враждебные социализму, но для этого мы должны организовать широкую и упорную борьбу против этих сил, а не возлагать надежд на стихийный, неприложный ход вещей. Мы должны помнить при этом, что для организации борьбы и обеспечения нашей победы у нас имеются исторически ограниченные сроки.

Как ставился вопрос Лениным?

«Если, говорит он, электрификация через 10—12 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация—все равно не избежен возврат к капитализму».

Почему же неизбежен возврат к капитализму, если через 10—12 лет мы не осуществим перехода хозяйства страны на новую техническую базу, в форме обобществленного крупного производства?

Разберемся внимательнее в этом вопросе.

Осуществляя индустриализацию и развивая производство средств производства—тяжелую индустрию, мы ослабляем степень нашей зависимости от мировой капиталистической экономики. Повы-

шая темп индустриализации, мы повышаем темп превращения нас в совершенно самостоятельную страну. Отказываясь от индустриализации и от ее быстрого темпа, мы соответственно теряем перспективы на экономическую самостоятельность. Будет расти наша зависимость от силы мирового капитализма, будет его контроль над экономикой страны. Избежать этого мы, при отказе от быстрого темпа индустриализации, в состоянии лишь в том случае, если согласимся загнивать на корню и наглухо отгородимся от капитализма. Остается нерешенной задача социалистической переделки сельского хозяйства и подведения под него высокой технической базы. Совершенно ясно, что нельзя развернуть процесс социалистического преобразования в деревне, а тем более завершить этот процесс, не развивая производства тракторов и комбайнов, машин и орудий, необходимых для постановки на предельную техническую высоту обобществленного сельского хозяйства. Из этого положения может быть двоякий выход: либо развязывание капитализма, либо деградация сельского хозяйства рядом с захирением нашей собственной промышленности. Если же предположить, что всеми средствами производства деревню будет снабжать международный капитал, то мы по необходимости будем оттерты от экономического руководства процессами, происходящими в деревне. Экономическое воздействие иностранного капитала на деревню будет средством перевода ее на путь капиталистического развития. Возрастет, до неслыханных размеров, степень нашего подчинения хозяйственной силе мирового капитала. Сила хозяйственных и политических связей соединит буржуазию города и деревни. Будет опрокинута диктатура рабочего класса.

Об этой возможности и говорит Ленин, когда он ставит вопрос о том, что только развитие крупной индустрии создает прочнейшую гарантию от реставрации капитализма. Тогда, говорит он, индивидуализм мелкого земледельца нам не страшен, ибо, опираясь на социалистическую индустрию, пролетариат сумет переделать мелких земледельцев, перевести их на рельсы социалистического хозяйства, имеющего под собой высокую техническую базу.

Но что же диктует нам быстрый темп индустриализации страны и социалистического переустройства деревни?

Из рассуждений Ленина следует прямой вывод: предложим, что в течение 10—20 лет империалистические страны не сумеют задавить нас военной силой, то и тогда не снимается угроза реставрации капитализма изнутри, если мы **не осуществим электрификации страны и массовой переделки мелкого производителя.** Ленин делает упор на то, что существуют определенные внутренние условия для реставрации капитализма и что эти-то условия должны быть устранены быстро и решительно. Об этой мысли Ленина нельзя забывать ни на минуту.

Мелкое производство способно порождать капитализм «ежедневно, ежечасно, стихийно, в массовом масштабе». Именно поэтому мы признаем незыблемость положения Ленина о том, что для капитализма в нашей стране более прочная база, чем для социализма. Уничтожить эту базу может только массовая переделка мелкого производства. Если мы в короткие, исторические сроки не развернем этой массовой переделки мелкого производства, он будет шире захватываться капитализмом и капитализм будет глубже, прочнее связываться с много-

миллионными пластами мелких и мельчайших хозяйств.

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством—и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут); иначе 20—40 лет мучений и белогвардейского террора» (Ленин). Но правильное соотношение с крестьянством не есть просто добрососедские отношения. Эти правильные соотношения включают в себя работу по социалистической переделке крестьянского хозяйства. И всякое свертывание работы в этом направлении облегчило бы рост капитализма в деревне, необходимо завершаясь нарушением правильных соотношений между пролетариатом и крестьянством. Все более размыкаясь с основной массой крестьянства, размываемой процессами капиталистического развития деревни, пролетариат со всем своим индустриальным строительством стал тогда бы зависимым от сельско-хозяйственной буржуазии и в продовольственном и в сырьевом отношениях.

Быстрый темп индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства есть средство парализовать быстрый темп и широкое развитие капитализма в городе и, особенно, в деревне.

Таковы внутренние условия, диктующие быстрый темп социалистического строительства. Либо мы переделаем мелкое производство и побьем капитализм, либо, если мы не сумеем удержать необходимый темп, мелкое производство размоется, переделается ростом капитализма.

Но быстрый темп диктуется также и международными условиями.

Страна находится в полосе переделки, не зная сроков ее окончания и начала серии новых войн с империализмом. Одна эта неизвестность, при ясном понимании самой неизбежности новых войн, обязывает к тому, чтобы, не снижая темпа, вести все шире и шире социалистическое строительство. Этим мы достигнем двоякой цели: во-первых, поднимаем военно-техническую мощность страны; во-вторых, обеспечиваем ее максимум средств производства.

Развитие производства средств производства дает возможность бесперебойной постановки производства на случай войны и хозяйственной блокады. Строительство совхозов и колхозов обеспечивает и увеличение запасов хлеба, мяса, фуража и проч. и возможность их быстрой передвижки, раз они концентрируются в сотнях крупных советских и коллективных хозяйств, а не распылены по рукам миллионнов мелких хозяйств.

Формулируя в более общих выражениях ошибки т. Бухарина по вопросу о построении социализма, можно сказать, что он не понимал остроты внутренних противоречий, это—во-первых; во-вторых, что вытекает из первого, не умел осознать необходимости быстрого темпа индустриализации страны и переустройства сельского хозяйства, а вместе с тем и быстрого темпа преодоления капитализма.

В неразрывной связи с этим вопросом, с вопросом о темпах построения социализма, стоит вопрос о классовой борьбе.

В самом начале мы указывали, как на пример схоластических рассуждений т. Бухарина, на тот тезис, выдвинутый им сравнительно давно, что переходный период характеризуется непрерывным понижением классовой борьбы. Эту характеристику переходного периода тов. Бухарин выводит не из

анализа тех или иных этапов конкретного развития, а из абстрактных соображений насчет того, что классы должны исчезнуть. Чтобы доказать свое положение и усилить его убедительность, тов. Бухарин не раз ссылался на то место в статье Ленина о кооперации, где говорится о перенесении центра тяжести на мирную организационную работу. Но, ссылаясь на это место, тов. Бухарин толкует его в корне ложно.

Мирно-организационная работа это, в просторечии,—социалистическое строительство. Выражением «мирно-организационная работа» Ленин подчеркивал не просто методы работы, **а характер целой эпохи, на пороге которой мы тогда стояли.** Ленин хотел сказать нечто неизмеримо больше и совсем другое чем то, что вкладывается в его уста тов. Бухариным.

Диалектика развития заключается в том, что расширение рамок и содержания мирно-организационной работы необходимо ведет к обострению классовой борьбы.

Переделка класса мелких производителей через посредство об'единения их в коллективы есть пример мирно-организационной работы. Но эта переделка повышает сопротивление кулака, обостряет классовую борьбу в деревне.

Если мы признаем незыблемым положение Ленина о том, что мелкое производство является базой для роста капитализма, мы не можем не признать того, что переделка этого мелкого производства в крупное социалистическое хозяйство должна вызывать и неизбежно вызывает сопротивление капиталистических элементов. Не может быть такого положения, чтобы выкорчевывание корней капитализма сопровождалось благодушным отношением

к этому со стороны кулака. Это и означает, что мы не можем говорить о понижении остроты и о сокращении размаха классовой борьбы до тех пор, пока мы ведем работу по выкорчевыванию корней капитализма. На этапе этой работы имет место обострение классовой борьбы.

Мы одновременно и создаем почву для обострения классовой борьбы, и уничтожаем эту почву. Тем, что мы развертываем каждый день все шире и шире переделку мелкого производства, мы обостряем сопротивление кулака. Но тем, что мы переделываем сектор мелко-товарного хозяйства в социалистический, тем, что мы широко и быстро переустраиваем хозяйство на социалистических началах, мы создаем предпосылку для уничтожения классов. В широкой исторической перспективе наша работа по социалистическому строительству идет в направлении уничтожения почвы для классовой борьбы. Непосредственно же эта работа сопровождается обострением борьбы классов. Это единство двух противоположных сторон социалистического строительства иллюстрирует ленинскую мысль о том, что классы могут быть уничтожены только через классовую борьбу. Классовая борьба обостряется на основе социалистического строительства, но социалистическое строительство является и орудием уничтожения самой этой основы для классовой борьбы. Этой диалектики обострения классовой борбы неизбежно данной самим характером мирно-организационной работы тов. Бухарин не понял, всуе употребляя имя Ленина.

Проследим обострение классовой борьбы в связи с развертыванием мирно-организаторской работы еще на одном примере. Этот пример хлебозаготовки.

Успехи социалистического строительства сопровождается ростом численности рабочего класса, возникновением новых городов и ростом старых. Возрастает и усиливается, именно в результате социалистического строительства, спрос на хлеб и иные сел.-хоз. продукты. Остро встает задача организации и проведение заготовок. Кулацкая верхушка деревни начинает маневрировать. Имея значительные хлебофуражные запасы, она задерживает их, увлекая своим примером зажиточные прослойки середняка. Саботаж кулака направлен на то, чтобы сорвать расширение социалистического строительства, разумеется, не только в городе, но и в деревне. Если происходит задержка в развитии производства тракторов и всех вообще сел.-хоз. машин, то происходит ослабление работы по социалистическому переустройству сельского хозяйства. Маневры кулака имеют целью сорвать социалистическое строительство и свернуть его темп; наш нажим на кулацкий элемент деревни выражает решимость развернуть социалистическое строительство шире и повысить его темп.

«И на этом участке диалектика мирно-организаторской работы находит свое выражение в обострении классовой борьбы. Однако и на этом участке не трудно нащупать закономерности снижения классовой борьбы. Строительство совхозов и колхозов, рост у них посевных площадей, под'ем урожайности и увеличение товарной продукции означает замещение крупного кулацкого производства, крупным социалистическим производством. Понижается хозяйственная роль кулачества и через некоторое время оно будет ликвидировано как класс. Сила экономической сопротивляемости кулака будет низведена на-нет. Менее обостренной с течением

времени станет классовая борьба. Мы говорим, понятно, не о степени суб'ективной озлобленности кулака; непосредственно после раскулачивания, а может быть и в дальнейшем, этой озлобленности-то будет больше. У нас речь идет сейчас о радикальном понижении силы воздействия кулака на наше социалистическое строительство при помощи мер **экономического** порядка.

Как видим, и тут успехи социалистического строительства в непосредственном смысле обостряют классовую борьбу. Но эти же успехи, являясь основной для ликвидации кулачества как класса, приведут, через известный промежуток времени (после окончательного подавления всех попыток экспроприированного кулака к сопротивлению), к понижению остроты классовой борьбы.

Поистине жалок тот политик который разглагольствует лишь о возможности, о том, что взятая в целом, переходная эпоха сопровождается понижением классовой борьбы и забывает про действительность, про этапы обострения классовой борьбы. Надо уметь об'яснить эти этапы как историческую необходимость.

Тов. Бухарин никогда не славился умением вскрыт конкретное соотношение классов. Там, где он повторял взгляды партии на это соотношение классов, он,худо ли хорошо ли,выступал правильно. Там же, где он пытался дать нечто новое и оригиначальное, он почти всегда ошибался. Подосновой этих ошибок служит способ рассмотрения тов. Бухариным обещественных явлений, схематизм, схоластика. Проследим этот любимый прием тов. Бухарина в действии еще раз на вопросе о середняке.

Лозунг союза с середняком на каждом данном историческом этапе имеет всякий раз свое особое

содержание. Это содержание определяется тем, какие задачи на этом этапе стоят перед пролетариатом. Говорить поэтому о союзе с середняком «вообще» не меньшая бесмыслица, чем говорить об обществе «вообще», о производственных отношениях «вообще» и т. д. Эти разговоры о союзе с середняком «вообще» имеют лишь то опасное последствие, что заставляет людей на всяком новом этапе удерживать старые представления о задачах этого союза.

За годы новой экономической политики задачи нашего союза с середняком менялись несколько раз.

В первый период нэпа мы ставили перед середняком задачу политической поддержки рабочего класса и задачи обеспечения продуктами сельского хозяйства городов, где собирался воедино пролетариат, восстанавливалась промышленность и транспорт и под политическое господство пролетариата подводилась экономическая основа. Переход к новой экономической политике и замена разверстки—продналогом предоставляли возможность среднему крестьянству восстановить свое хозяйство и свободно продавать излишки.

Этим в сущности исчерпывались задачи середняка и решение этих задач составляло содержание союза рабочего класса и среднего крестьянства.

В ходе хозяйственного развития деревни, совершавшегося в ту пору в значительной мере вне регулирующего хозяйственного воздействия со стороны пролетарской диктатуры, рос и укреплялся кулак. Кулак сумел связаться с значительными слоями середняка и в некоторых местах поднимал его против пролетарской диктатуры. Мы поставили своей задачей политическую изоляцию кулачества и мы, естественно, должны были добиваться того,

чтобы середняк не поддерживал кулака. Решение этой задачи требовало усиления хозяйственной роли пролетариата в деревне и подчинение середняцкого хозяйства руководству социалистической промышленности и торговли. Борьба за включение хозяйства бедноты и середняков в обущю систему нашего хозяйственного развития стала в центре нашего внимания. Известные мероприятия XIV конференции и XIV с'езд обеспечили партии решение этой задачи. Успокоение, внесенное в деревню этими мероприятиями, направленными на лучшее обслуживание середняка, усиление кооперативной торговли, сел.-хоз. кредита, землеустройства упорядочение налоговой политики по отношению к середняку и т. д. создали условия для политической изоляции кулака и ослабили степень его влияния на середняка. Партии, советской власти была обеспечена поддержка подавляющего большинства среднего крестьянства. Но мы отчетливо понимали, что поскольку деревня остается в стороне от социалистического переустройства, в ней неминуемо будет возрастать роль капиталистических элементов. Развитие тяжелой и легкой промышленности предоставляло возможность перехода к более решительному и более массовому переустройству деревни на социалистических началах.

Условия для развертывания этой работы были созданы нашей предшествующей политикой. Середняк был на нашей стороне. Повысилась роль бедноты и выросла ее активность.

Не ограничиваясь социалистическим строительством в городе, мы усилили это строительство в деревню, и, опираясь на под'ем сельских крестьянских масс, в широком масштабе развернули борьбу за коренное преобразование всей системы, ее хозяй-

ственных связей и отношений. В согласии с этим изменились задачи союза с середняком. Середняк на основе развертывания социалистического строительства должен был стать и стал непосредственным участником борьбы с кулаком и организатором, при нашей помощи, социалистичских форм земледелия. Решение этих задач ныне составляет содержание союза с середняком.

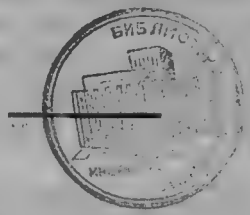
Тов. Бухарин не желает считаться с этими изменениями роли и задачи середняка, а следовательно, и содержание лозунга «союз с середняком». Он не переставая ратовал за успокоение середняка и рекомендовал для этого весьма оригинальный путь. В брошюре «Политическое завещание Ленина» он заявляет о том, что нам сейчас необходимо удержать союз крестьянской войны с рабочим движением в строительной форме. Известно, что этим союзом отмечен лишь один период в развитии нашей революции, тот период, когда она решала буржуазно-демократические задачи. В то время пролетариат шел со всем крестьянством и союз рабочего движения с крестьянской войной был союзом со всем крестьянством.

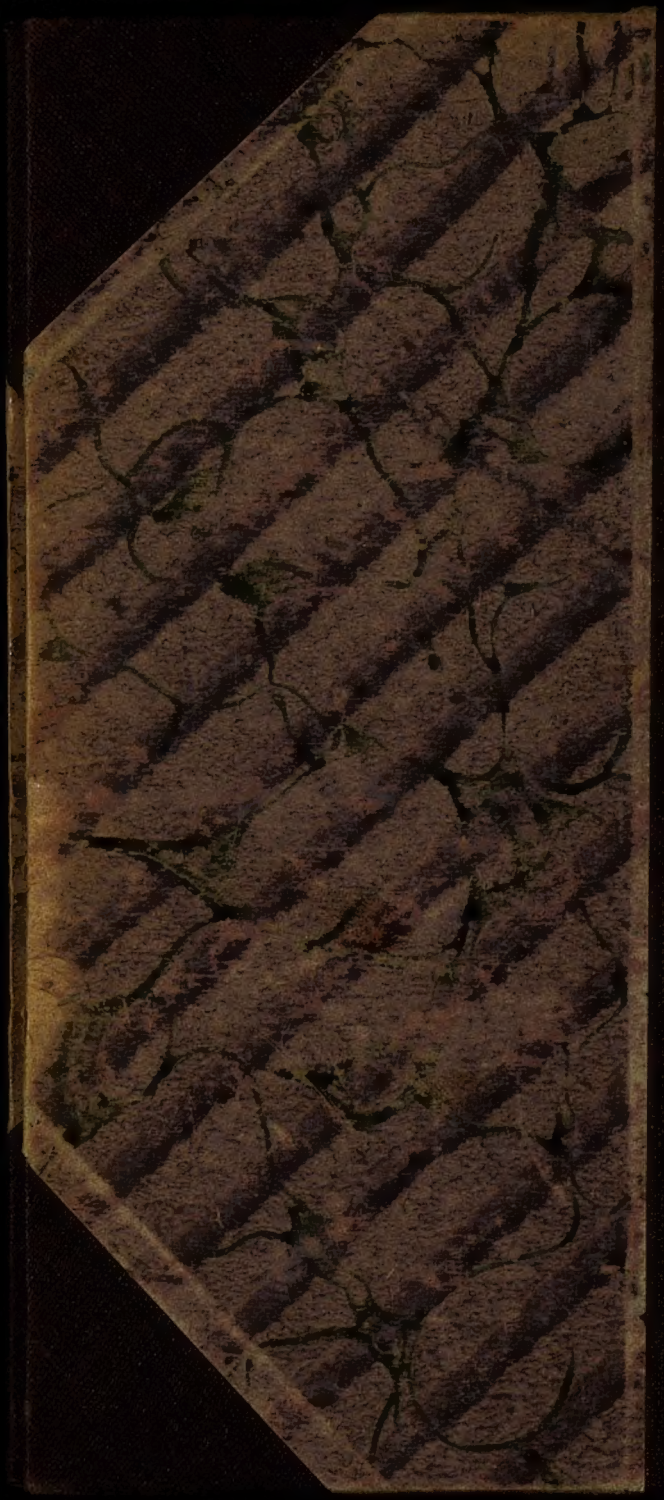
Говорить об этом союзе тепер, значит также провозглашать союз со всем крестьянством, включая сюда и кулака. Понятно, что такой союз с кулаком предполагает, что советское государство должно показать кулаку выгоду его союза с нами. А показать эту выгоду мы должны были бы снятием ограничений с роста кулацких хозяйств. Мы поневоле поставили бы себя в зависимость от роста капитализма в деревне, размывающего средние слои и превращающегося в главного поставщика сельско-хозяйственных продуктов. Вот классовое содержание формулы тов. Бухарина. Иные критикуют ее за то,

что она устарела, иные за то, что она предполагает союз с кулаком, не расшифровывая, что это означает. Эта формула вовсе не стара, она отдает беспримерной свежестью, она нова и рекомендует отнюдь не беспредметный союз с кулаком. Эта формула, есть формула Фрумкина—индустриализация страны на кулацком хлебе. Вот экономический смысл этой формулы. Этой формулой, под видом защиты руководства социалистического города по отношению к деревне, выдвигается на самом деле руководство городом со стороны кулацкой деревни.

Высказываясь за успокоение середняка, тов Бухарин заодно прихватывает и кулака, рекомендуя кстати успокоить и его.

Если абстрактные схемы тов. Бухарина не имеют марксистского содержания, то несомненно одно: они являются рамками для содержания чуждого и в корне враждебного нам.



Цена 25 коп.

15399